

Роберт Домманже Дрессировка Фрама

Роберт Домманже Дрессировка Фрама

*Охотникам, любителям хороших собак,
посвящаю я это руководство.*
РОБЕРТ ДОММАНЖЕ

ДУША ДРЕССИРОВЩИКА

Говоря о лице, несущем обязанности, отвечающие его вкусам и способностям, англичане употребляют очень удачное выражение, – они говорят: «Человек этого дела». Не будет преувеличением утверждать, что во всех отраслях деятельности особенного успеха достигают такие «люди дела».

Прежде чем коснуться самой дрессировки, интересно задаться вопросом, каким должен быть «человек дела» в дрессировке.

Разумеется, безразлично, профессионал ли он будет или просто любитель.

Говоря о чисто физических качествах дрессировщика, нельзя сказать ничего особенного: если иметь здоровые ноги и хорошее зрение полезно, все же это не является необходимым; существуют тысячи примеров, когда люди, физически мало одаренные, достигали самых лучших результатов в дрессировке порученных им животных.

Что касается нравственных качеств, то было бы хорошо, если бы они имели во всяком деле такое значение, какое имеют в занимающем нас вопросе.

Мы их разделим на качества, необходимые всякому человеку для успешного выполнения какой-нибудь работы, и качества «специальные», обязательные для того, кому приходится управлять волею и поступками живых существ.

К первым относятся: духовная уравновешенность, энергичность, настойчивость, здравый смысл и самолюбие.

Среди вторых особенно важны: точность, терпеливость, сметливость, последовательность, находчивость, и – о чем не стоило бы и говорить – любовь к воспитанию и воспитываемым животным. Пожалуй, можно было бы прибавить «умение повелевать», но оно создается из точности и находчивости.

Вопрос об уме является очень сложным, и, не желая вдаваться в область психологии, мы скажем только, что у большинства живых существ одни стороны ума развиты в ущерб другим.

Идеальным дрессировщиком будет не тот, кто после специальной подготовки мог бы иметь успех, как литератор или химик, а тот, у кого одни мозговые центры не развиты в ущерб другим; тот, кто обладает, в возможно большей степени, духовной уравновешенностью, самое название которой хорошо определяет ее сущность.

Всякая цель легче достигается при непрерывности усилий, и тот, кто может проявлять такие усилия, обладает в достаточной степени энергией и настойчивостью.

Ленивые и быстро падающие духом ни на что не способны. Пустою химерою была бы надежда, что ласками и ободрениями можно было бы добиться надежных достижений от людей слабовольных. Скорее можно превратить сахар в алмаз, чем изменить форму мозга или плотность его тканей. В природных свойствах надо искать источника активности: «Я слишком белокур», – сказал с основанием Эглон Ростана.

Не будем же негодовать на несчастных, не способных ни на какое усилие – они и сами сознают свою слабость и часто жалеют, что не могут побороть ее. Пожалеем бедняков, которые утром не могут решиться быстро вскочить с постели, а в продолжение дня избегают наклоняться, ибо им кажется, что земля лежит слишком низко, но – воздержимся от желания сделать из них дрессировщиков.

На ту же ступень мы можем поставить пьяниц, не имеющих силы противостоять унижительной страсти к вину; алкоголик непрерывно губит свои способности и безостановочно движется вниз по наклонной плоскости.

Самолюбие есть неистощимый источник, который легко эксплуатировать. Желание пожать публичные лавры, в виде ли денег или в виде славы, может поддержать силы; напротив, безразличное отношение к успехам не дает ничего.

Теперь посмотрим, каковы специальные душевные качества идеального дрессировщика.

На самом первом месте стоит точность. Она встречается реже, чем это можно было бы предполагать; быть может, иностранцы более точны, чем мы, но во Франции мало встречается людей, одаренных высшею степенью этого качества; в промышленности пользуются услугами «контролеров», в служебной иерархии полагаются на начальников, умеющих так выражать свои распоряжения, что всякое неудовлетворительное или ошибочное выполнение их со стороны подчиненных становится невозможным. Вообще же говоря, «почти» царит повсюду. Перед силой «почти» склоняются судьи; если какой-нибудь поставщик пропустит точный срок доставки или поставит что-либо, не вполне отвечающее заказу, заказчик хоть и протестует, но бывает почти всегда вынужден принять товар,

ограничившись скидкой с суммы счета.

Могущество «почти» – несчастье с точки зрения дрессировки. Действительно, дрессировка имеет конечную целью добиться, чтобы тотчас после приказания, или в самый момент его отдачи, животное выполняло определенный акт. Все знают электрические вывески, на которых появляются те или иные слова, в зависимости от того, на какую кнопку нажать; трудно найти более подходящее сравнение, как то, что дрессированное животное должно походить на такую вывеску: исполнения приказаний должны быть моментальны, как при нажатии на кнопку, роль которой играют слова и жесты.

Животному не труднее повиноваться первому приказанию, чем слушаться второго или третьего; дрессировщик должен задаться целью добиться машинального повиновения, и он этого достигнет, если будет отдавать приказания столь точные, чтобы всякая возможность понять их двояко была исключена, и будет добиваться даже принудительными мерами, если это окажется необходимым, немедленного их исполнения; иначе говоря, в точности приказания – точность исполнения.

Когда указываешь дрессировщикам, что всякое приказание должно отдаваться всегда одним и тем же словом, в ответ обыкновенно слышишь: «Ну, конечно», – а несколько мгновений спустя, когда практика последует за теорией, тот же человек кричит: «Иди... ну, иди... ну, иди же... пойдешь ли ты, проклятая дворняга...» И, если после всех этих взываний, приказание хоть как-нибудь исполнено животным, на лице дрессировщика видишь удовлетворение.

Точность не всем дается... По наружным признакам, я думаю, ее тщетно было бы искать у людей неряшливо одетых, имеющих тяжелый оборот речи, не любящих стричься и ходящих волоча ноги...

Терпеливость – это та добродетель, благодаря которой с обновленными силами, упорно и спокойно люди добиваются своей цели. Дрессировка старается сделать почти естественными поступки животных, часто совершенно противные их инстинктам, например: не есть лакомого кусочка, найденного на земле, ложиться при виде зайца и т. д. Чтобы запечатлеть в уме животного почти бессознательное выполнение какого-нибудь поступка, необходимо сообщить ему или один сильный побудительный толчок, или целый ряд слабых, как это делают, чеканя металлическую пластинку; из двух приведенных способов второй представляет собой большую выгоду, ибо при нем меньше риска; гораздо труднее правильно нанести один сильный удар, чем наносить легкие удары, из которых каждым последующим можно воспользоваться для исправления предыдущего; никогда грубое укрощение животных не приводило к таким результатам, к каким приводила последовательно проводимая дрессировка.

Терпеливость допускает частое повторение упражнений, рождающее привычку, столь хорошо названную второю натурой. Есть упражнения, требующие сорока часов работы, чтобы животные их поняли, нетерпеливый дрессировщик остановится на тридцать восьмом часе, несколько поторопившись, и все испортит. Дрессировка – это чаша, которую надо наполнить настолько, чтобы пошло через край; надо иметь терпение приносить воду до последней капли, которая столь же необходима, как и все предыдущие, ибо если не донести одной, то последняя принесенная не будет иметь своего решающего значения. Только терпеливость порождает рутинированность – последнее слово дрессировки.

Терпеливости не встретишь ни у людей, желудки которых плохо варят, ни у тех, кто чересчур нервен.

Такт, по определению Ларусса, это прозорливость, острота ума, чувство того, что прилично.

Тактичный человек чувствует, насколько мягок ученик, и знает во всякий момент, что он может от него потребовать без особой борьбы со стороны последнего, а это вещь капитальной важности, ибо кто идет на борьбу, идет столько же на победу, сколько и на поражение. Тактичный человек знает силу, с которой он может наносить удары при той нравственной чеканке, о которой мы только что говорили, равным образом он отдает себе

отчет в числе ударов, необходимых, чтобы достичь цели. Еще одно сравнение: тактичный человек это тот, кто чувствует, насколько он может согнуть прут, который он держит в руках, не ломая его, и может указать момент, когда необходимо сделать надрез, чтобы сблизить оба конца. Такт – добродетель, особенно редкая у людей из народа, не умеющих сдерживать своих природных инстинктов. Сила пощечин, которыми простонародье исправляет своих детей, более пропорциональна грубости родителей, чем тяжести проступков их детей. Такт положительно необходим, чтобы не оттолкнуть от себя учеников. У дрессировщика, не обладающего тактом, бывает столько же неудач, сколько и успешных случаев, ему никогда не справиться с натурой несколько гордой, он хочет идти слишком быстрыми шагами и возводит второй этаж здания прежде, чем затвердеет цемент первого. Важно брать дрессировщиков из среды хотя бы несколько интеллигентной, особенно если хотят работать собак высокопородных, кровность которых сделала их духовно более утонченными.

Последовательность не позволяет дрессировке походить на лестницу, каждая ступень которой требует неприятного усилия, а делает ее похожей на лестницу, постепенно и медленно переходящую в горизонтальную плоскость, при помощи которой незаметно поднимаются на самый верх. Последовательный в работе дрессировщик предлагает ученикам лишь такие упражнения, к которым упражнениями предшествовавшими они подготовлены столь хорошо, что выполнение новых не представляет для них никакого затруднения и не вызывает у них желания как-нибудь слухавить.

Тщетно было бы искать этого у фантазера.

Находчивость выигрывает сражения. Если представится затруднение из-за ошибки, скажем, учителя (это почти постоянная причина), или ученика, находчивость позволит найти способ, как из него выйти, среди всех способов укажет самый лучший и подскажет, как его применить в данных обстоятельствах. Находчивость – качество врожденное, но оно может очень развиться от чтения книг и специальных журналов, посещения испытаний и сношения с другими дрессировщиками.

Любовь к воспитыванию и любовь к воспитанникам – два качества, без которых человек будет работать, как собака из-под палки. То, что делается только из корысти, никогда не делается хорошо; это истина, не требующая доказательств.

Если некоторые любители не достигают сами, или видят, что их подчиненные не достигают результатов, обещаемых руководствами к дрессировке, пусть они не слишком торопятся осуждать на казнь авторов предложенных методов, пусть-ка они лучше спросят себя: «Обладаем ли мы, как я, так и мои подчиненные, душами дрессировщиков?»

ГЛАВА I О ВЫБОРЕ ЩЕНКА

Хороших собак можно встретить среди всех подружейных пород. Когда дело коснется выбора щенка, мы выберем его из породы, в которой хорошие собаки являются как правило, а не как исключение, и мы будем иметь все шансы на то, чтобы добиться удовлетворительных результатов.

Во всех породах существуют отдельные семьи, одни – хорошие, другие – дурные; одни дают лауреатов выставок, другие – победителей полевых испытаний.

Мы будем искать, особенно в настоящий момент, чутья, послушания, выносливости и врожденной стойки. Обратимся же к семье, среди членов которой числятся победители на полевых испытаниях. Пройдем мимо собак безукоризненных статей, но происхождение которых не служит ручательством за их полевые достоинства, ибо от таких мы получим только огорчения; тем более что, в известных случаях, красота является делом условным, меняющимся в зависимости от моды. Некоторые любители выводят и очень дорого продают выставочных собак, но сами избегают охотиться с продуктами собственного завода, дающего им комнатных собачек, а не рабочих животных.

Француз ли будет Фрам, или англичанин, но он будет чистой породы, что явится крупным козырем в нашей игре.

Впоследствии, когда наша работа будет закончена, собака наша будет иметь стоимость вдвое большую, чем убудок, не способный передать ни своего экстерьера, ни своих полевых качеств.

Мы знаем, знаете и вы, друзья читатели, превосходных собак, происходящих от скрещивания английских пород с французскими и имеющих обонятельные способности одних, благоразумие же и послушание других; но между пойнтерами, повязанными с браками или с гриффонами, между сеттерами, поставленными с эспаниелями, сколько раз видели мы упрямых убудков, соединяющих в себе горячность английской крови с короткой стойкой и нижним чутьем, свойственным континентальным породам, выведенным неудовлетворительным подбором производителей.

Если мы покупаем собаку, совершенно поставленную, мы можем простить ей ее происхождение, но если мы приобретаем щенка, то поостережемся метизаций, часто мало обоснованных.

Поскольку это возможно, Фрам будет сыном кобеля, известного за хорошего производителя, и суки, обладающей отличным характером, богатым чутьем и твердой стойкой. Мы не знаем, как в достаточной мере остановить внимание любителей на вопросе о характере: собака необщительная или угрюмая, если она будет и хорошо выдрессирована, никогда не будет приятным товарищем на охоте; на публичных испытаниях она всегда готова затеять какую-нибудь драку, что заставит удалить ее с испытания, несмотря на другие ее достоинства, развитые в высокой степени. Взгляд собаки часто является отражением ее характера, вот почему на выставках судьи действительно сведущие придают большое значение физиономии собаки.

Производители воспроизводят то, что они сами из себя представляют в момент зачатия. Производитель и сука, от которых требуется отборное по своим качествам потомство, должны быть в расцвете своих физических сил, следовательно, не слишком стары, не истощены усталостью, болезнью и т. д.

Эти соображения заставляют нас подозрительно относиться к знаменитым производителям, вывезенным в пору, когда они уже не могут дать многого.

Мы верим в наследственное преобладание того из производителей, который находится в апогее своей силы, тогда как другой еще не достиг или уже его миновал.

Изучение родословных – самое важное в заводческом деле: свойство, заметное у производителя, передается с тем большею силою, чем у большего, по восходящей линии, числа собак, клички которых фигурируют в родословной за три поколения, оно существует.

Если бы мы могли видеть отцов и дедов некоторых вывозных собак, нам стало бы понятнее, откуда появились те или иные недостатки их потомков.

Мы являемся сторонниками выписки производителей, так как этим обновляется кровь, но мы должны указать, с какими гарантиями должна быть сопряжена выписка, чтобы ее можно было назвать обдуманной. Этой гарантией должны быть не письменные заверения, а продолжительная полевая проба данной собаки, а если возможно, то и ее предков.

Лучшим возрастом для производителей является возраст от двух до шести лет. Быть может, потомки двухлетних собак будут более веселыми, менее уравновешенными, чем потомки шестилетних. Это было бы согласно с нашей теорией.

Если у нас нет суки, обладающей хорошою родословною, мягким и в то же время смелым характером, живым темпераментом, удовлетворительными чутьем и стойкой, приличными колодкой, ногами и прочими статями, то купим такую или даже возьмем напрокат на несколько месяцев, это иногда удается.

Изучим или заставим изучить родословные производителей, сравним их с родословною суки, которою мы располагаем, отдадим себе отчет в родственности кровей, чтобы сознательно закрепить и даже усилить известные достоинства и исправить некоторые недостатки, посмотрим в работе двух или трех производителей, показавшихся нам более

подходящими, и, остановившись на том из них, чья манера работать нас более подкупит, приведем к нему нашу суку, если владелец кобеля нам его не доверит.

В очень интересном труде о пойнтере г. Аркрайт восстает против обыкновения посылать суку для вязки с кобелем в клетке без провожатого, и он как нельзя более прав; мы могли бы привести много примеров несчастных случаев: то случай с убежавшей сукой, то с недостаточной заботливостью и честностью некоторых владельцев-заводчиков, помещавших сук в грязные псарни и позволявших крыть их другим кобелям; известны и факты вязки суки один раз с просимым производителем, а затем, на другой день, с братом, сыном или отцом его, для большей уверенности в результате – некоторым заводчикам это кажется прекрасным средством, чтобы, оставаясь, пожалуй, с чистой совестью, не истощать знаменитого производителя или... спасти репутацию уже бесплодного кобеля.

Если почему-либо владелец решит вязать суку с двумя кобелями, он должен ставить ее с перерывом между вязками по крайней мере в десять дней и заметить точные даты, тогда по дате помета он сможет точно определить действительного отца.

Будем требовательны к нашим сукам в обычное время, но исключительно заботливы по отношению к ним в период пустовки. Приведу несколько наблюдений.

У суки, которую отдерживали до трех лет, первые роды могут быть тяжелыми, ибо органы ее потеряют свою эластичность.

Распределение полов в пометах слишком таинственно, чтобы мы в нем могли разобраться.

Наука отрицает идею оплодотворения одного зародыша двумя различными самцами, но она допускает, что в одном и том же помете не все щенки могут быть исключительно от одного отца, если сука была повязана с различными кобелями. Будем же остерегаться всех тех, что несут караул у дверей нашего дома во время пустовки нашей суки.

Недостаточно запереть последнюю с производителем по нашему выбору, чтобы все прошло согласно нашим желаниям: если мы не примем некоторых предосторожностей, собаки могут оставаться вместе несколько дней, относясь друг к другу с полным безразличием.

Приблизительно на восьмой день пустовки сука перестает отвергать ухаживания кобеля; если же последний покажется малорасположенным к вязке, надо его моментально изолировать и дать ему укрепляющего корма; мало вероятия, чтобы он пренебрег своей компаньонкой, когда он с нею вновь встретится.

Манера, с которой сука стоит, отводя хвост в сторону, является показателем, что она в наилучших условиях для зачатия.

Кобели пород очень утонченных иногда оказываются совсем непригодными к вязке, когда к ним приводят в первый раз пустующую суку: одни потому, что слишком неопытны и не оказывают никаких посягательств, другие потому, что слишком робки и не выказывают настойчивости в своих посягательствах, если сука несколько жеманится.

Чтобы не быть вынужденным заниматься с молодыми кобелями практикою, одно описание которой противно, всегда есть расчет дать им наостриться раза три-четыре на старых суках, а когда, позднее, им представят суку, еще не испытавшую страсти, или нервную, следует заставить двух человек держать ее, чтобы помешать ей кусаться, ложиться или махать хвостом.

Многие заводчики ставят своих сук по одному разу каждый день, в продолжение трех суток, во избежание того, чтобы они не остались холостыми. Этот обычай достоин подражания.

Большая ошибка позволять повязанной суке буйные движения или заставлять ее переносить путешествие в период первых десяти дней, следующих за последней вязкой: это определенно вредит успеху оплодотворения.

Период щенности продолжается шестьдесят три дня; в это время пища суки должна быть обильной и богатой фосфором, а прогулки частыми; в последние дни сука заботится о месте для щенения; если ее будка слишком мала, то ей надо постлать какие-нибудь одеяла в

уединенном и теплом углу.

Некоторые суки пожирают своих щенят при рождении; говорят, что это может происходить по двум причинам: из-за прожорливости суки или из-за боязни быть разлученной со своими детьми. Самое лучшее поручить уход за такими суками лицу, которое они очень хорошо знают, затем давать им столько сырого мяса, сколько они захотят, наконец, в случае необходимости оставить их одних, – надевать им намордники.

Тот, кто охотился с гончими, порода которых ведется уже долгие годы и тщательно подбирается, хорошо знает, что в стае не бывает двух собак совершенно одинаковых по росту, рубашке, шее, ногам. Каждая из стайных собак обладает своим собственным обликом; точно так же и в каждом помете, происходящем от вязки безукоризненных производителей, бывает большое разнообразие щенят.

При рождении щенки отличаются только рубашкою. Окраска цвета сухих листьев никогда не будет нам по вкусу, ибо она не позволяет заметить наших помощников на стойке в высохшей живой изгороди, а в лесу не ставит их в безопасность от неосторожного выстрела.

Обесцвечивание есть признак вырождения, поэтому не будем искать рубашек слишком белых, соответствующих часто лимфатическому темпераменту.

Исключая породы английских сеттеров, где допускается пятно на одном глазу, мы никогда не отдадим преимущества асимметрично окрашенному щенку. Прибылые пальцы (шпоры) на задних лапах являются большим пороком, которой должен влечь за собою уничтожение его обладателя.

Англичане, люди практичные, не обрубают хвостов у своих подружейных собак, ибо они пользуются ими обыкновенно в открытых местах, а их собаки работают на охоте очень часто без помахивания хвостом, положение которого хорошо гармонирует с их длинными линиями; но те же англичане лишают хвостового придатка своих маленьких эспаниелей, предназначенных для кустарников и леса.

Наши деды, пользовавшиеся повсюду одной и той же собакой, трусившей, помахивая хвостом, были, следовательно, правы, обрубая хвосты своим помощникам.

Освящено обычаем, чтобы браки, гриффоны, бретонские эспаниели и эспаниели понтодемер имели хвосты короткие или полукороткие, но на выставках искусственно укороченные хвосты служат иногда причиной дисквалификации, искусственное купирование заставляет исчезнуть ужасный «штопор», верный признак бесплодности. Пусть любители вышеупомянутых пород останавливают свой выбор на щенках, обладающих от природы короткими хвостами.

Через пять недель мы сможем среди щенков заметить особей слабых и обладающих крупными физическими недостатками, таких следует удалить. Опытный глаз распознает на четвертом месяце, какова будет собака, а на шестом месяце можно будет судить о понятливости и послушании щенка. Но пока Фрам не будет выведен в поле, мы не будем уверены в его достоинствах и во врожденном аллюре его поиска. Этот аллюр очень важно узнать, ибо собаки работают много лучше, когда им позволяют работать на их природном аллюре; совет англофилам, желающим охотиться в открытых местах с пойнтерами и сеттерами среднего поиска, не выбирать себе щенка среди таких, которых можно укротить лишь долготерпением и железной дисциплиной; поискав хорошенько, они найдут желаемое в другом месте. Один заводчик английских сеттеров, мнение которого считается авторитетным, подтвердил эту нашу мысль, написав нам недавно, что в пометах от своих сук, рядом со скакунами, обладающими стальными мышцами, он получает собак с медленным и коротким поиском.

Вот почему, если у нас есть сука, оставим для себя по крайней мере двух щенят и будем воспитывать их до девяти месяцев и только тогда остановим окончательно свой выбор. Другая цель этого та, чтобы чума не смогла уничтожить одним ударом всех наших надежд, наконец, если несколько щенят воспитываются вместе, они всегда выходят здоровее.

Мы не будем приводить всех требований, предъявляемых стандартами каждой из

пород, но укажем некоторые, которые необходимо предъявлять ко всякой хорошо сложенной собаке: черепная коробка должна быть развита, ноздри открыты, глаз велик и выразителен, уши хорошо посажены; грудная клетка должна быть достаточно вместительна (она имеет три измерения: высоту, ширину и глубину, или длину; когда одно излишне мало, два другие должны его компенсировать, чтобы легким было предоставлено достаточно места); широкий и немного выгнутый крестец указывает на выносливость; особенно ценится хвост, когда он относительно короток и прям и собака несет его горизонтально; ноги хороши, если они сильны и вертикально поставлены, а лапы сухи и со сжатыми пальцами.

Все эти требования являются сводкою мнений, выказанных авторами, пользующимися наибольшим доверием, и основаны на опыте.

Гладкошерстные собаки пользуются заслуженным предпочтением со стороны некоторых любителей: они чище в доме, их не нужно стричь, они быстро высыхают, когда намокнут, и их легко лечить в случаях заражения паразитами.

Мы не будем входить в полемику, которая, к несчастью, так разъединяет охотников, в полемику о породах континентальных и английских. Сколько пролито потоков чернил и сколько сказано резкостей знатоками, действительно достойными, но ослепленными партийностью. Насколько бы эти писатели поступили лучше, поискав, прежде чем выдавать бедным собачкам аттестаты на неспособность, неинтеллигентность и непослушание решения вопроса в мудрости Священного Писания, говорящего: «В природе нет ничего ненужного, все отвечает какой-либо потребности людей в известном положении и при известных обстоятельствах». Сколь больше бы сделали эти любители в их сфере, работая над совершенствованием породы, так хорошо подходящей к их требованиям и пропагандируя ее не только в печати, но и на соревнованиях, как выставочных, так и полевых.

Любителям английских собак мы посоветуем пойнтера или сеттера, происходящего из семьи, известной по своим филдтрайлсовым качествам. Во Франции и Бельгии существуют серьезные питомники, в которых можно найти щенка с хорошим будущим и по сходной цене. Но прежде всякой покупки пусть они прочтут, перечтут и обдумают начало этой главы. Недостаточно сознавая, что крупные достоинства являются, быть может, скорее принадлежностью известного семейства, чем какой-нибудь целой породы, одни охотники, купив, например, случайно одного из страстных черных пойнтеров, получили навсегда отвращение от пользования их услугами, другие считают лучшими полевыми работниками только представителей великолепной породы чистых гордонов, манера работы которых как нельзя лучше отвечает требованиям наших французских привычек.

Любителям континентальных собак мы дадим тот же самый совет: выбирайте скорее семейство, чем породу. Все породы представлены теперь на филдтрайлах и хорошие семейства на виду.

Тем многочисленным охотникам, которые ставят достоинства собаки выше ее национальности и которые требуют от нас подтверждения их выбора, мы ответим, что на испытаниях узкого и среднего поиска, открытых для всех пород, пойнтера и сеттера бьют чаще всего континентальных собак; однако, наряду с этими скакунами, развивающими свой поиск на большую дистанцию, встречаются, повторяем, среди этих пород собаки с более умеренным аллюром, способные удовлетворить самым трудным требованиям, но дрессировка для них требуется более законченная.

Чем чувствительнее инструмент, тем более уметь надо в обращении с ним.

Поэтому для городских охотников, не имеющих времени вдаваться далеко в дрессировку своих собак, не имеющих необходимого досуга, чтобы доставить последним случай рутинироваться, путем практики, в безупречной работе, всегда есть расчет выбрать добродушную французскую собаку.

Начиная с простоватого куцкого брака Бурбонэ и до могучего брака Миди, имеется целая серия наглядных гладкошерстных собак, не приносящих в дом грязи, являющихся верными товарищами на прогулке, которые при небольшой дрессировке не мешают стрелять в поле и находят достаточно хорошо подранков.

Род дичи и места, где охотятся, являются также факторами, которые необходимо принять в расчет.

Для охотящегося в заповеднике, где не надо отыскивать дичь, подходит лохматый гриффон, ищущий в каких-нибудь десяти шагах, сующий свой нос во все клочки травы и подающий битую дичь.

Для охотящегося в болоте – понтодемер, эпаниэль-пикар, водяной спаниэль или ирландский сеттер, работающий одинаково по плавающей и бегающей дичи и не теряющий ни одного подранка.

Для охотящегося в лесу – белый крапчатый сеттер, вдоль и поперек обыскивающий поле и не пропадающий из глаз.

Тому, кто охотится только в день открытия охоты и хочет иметь компаньона чистого и изящного – сенжермен или дюпойи.

Англофобу, охотящемуся повсюду – немецкий или французский брак, эпаниэль или корталес, или, наконец, бле-д'овернь, которых теперь опять можно видеть на выставках.

Автомобилисту, желающему иметь собаку легкую и занимающую мало места, – нечто среднее между легавой и эпаниэлем – бретонский эпаниэль.

Для англофила – сеттер, собака для всех сезонов и всяких мест. Наконец, для любителя, выхаживающего все открытые поля вплоть до закрытия охоты, когда уже заяц встречается редко и куропатка становится строга, для того, кого беспокойный сосед не будет раздражать, – судьбою назначен легкий пойнтер и то громадное наслаждение, которое дает пользование им.

Настал ноябрь, дует северный ветер, погода стоит сухая. Чтобы увеличить шансы на успех и не быть вынужденным прерывать прогулку, ожидая, пока полуденное солнце согреет дичь и тем сделает ее более ленивою, мы выходим из дому не ранее десяти часов и делаем большой круг, чтобы подойти к полю, где мы предполагаем охотиться, с юга. Выйдя из дому, мы встречаем знакомого охотника, чей эпаниэль, работая в двадцати шагах, не пропустит ни одной перепелки в гречихе, подаст, не помяв ни перышка, жаворонка, прихватит и зайчика по следу, словом, можно сказать, «перл создания». При встрече обычные разговоры: «Плохое время для охоты в поле, дичь не выдерживает, куропатки срываются раньше, чем Медор может отметить их стойкой, сегодня вы ничего не сделаете с вашим скакуном». И Квин получает презрительный взгляд, сопровождающий маленькую речь, которую мы слышим в тысячный раз. Но мы с Квин являемся философами, поэтому, несмотря на то что наш приятель любезно предупредил нас, что он уже выходил все места, мы движемся в путь, держа нос против ветра. «Квин, иди». Наш пойнтер отправляется во всю прыть, расстилаясь в поиске направо и налево, и, не находя ничего; идет все шире и шире. В десять минут поля, на которых наш приятель топтался более часа, были обысканы, а сами мы прошли каких-нибудь пятьсот метров там, где он должен был выходить, быть может, пять километров. Вдруг мы видим, что Квин потянула, и, в тот же самый момент, поднимается выводок в шестидесяти метрах от нее; собака ложится, посматривая на нас, она чувствует, что провинилась и что мы не будем довольны, не имея возможности стрелять; действительно, мы начинаем ее бранить, делая вид, что рассердились; мы прекрасно знаем, что она не виновата, но большая осторожность послужит лишь ее успеху. «Иди». Снова начинается быстрый и методичный поиск; порой собака останавливается с высоко поднятой головой, захватывая ветер, и затем идет еще быстрее; два раза поднимаются выводки, затем вскакивает, не будучи отмечен стойкой, заяц. Мы продолжаем подвигаться вперед, с ружьем на плече, любуясь работой нашего пойнтера. «Он выметет все начисто», – думает наш приятель, эпаниэль которого, прогалопировав несколько минут спустя за стрелянным не в меру зайцем, спарывает всю попадающую в поле дичь. В этот момент между нашими собаками та разница, что дичь, подымающаяся из-под Квин, не подпустила бы ближе и охотника с самую лучшую собакою, работающую в тридцати метрах перед ним, тогда как дичь, спарываемая Медором, быть может, была бы нами бита.

Вдруг Квин остановилась, запах дичи только что поразил ее обоняние. Подняв высоко

голову и оседая на зад, она продвигается шага на три вперед и остается неподвижной в скульптурной позе; она на стойке, но она сделала эту стойку, едва только ветер донес до нее запах еще достаточно горячий, чтобы убедить ее в присутствии притаившейся перед нею дичи. Не торопясь, мы идем в обход, направляясь к точке, лежащей в шестидесяти шагах впереди собаки; мы идем медленно, стараясь оставаться незамеченными, с ружьем, готовым ко вскидке, и с полной уверенностью на успех, ибо имея, таким образом, дичь между Квин и собою, семь раз из десяти мы будем иметь возможность стрелять в меру. Порывается пять куропаток, бах! бах! одна упала, мы поднимаем ее и расточаем ласки нашему пойнтеру, тотчас же снова начинающему свой стремительный поиск. Еще несколько выводков порвалось без стойки, и немудрено, ведь такая сушь и холодина. Но что это там, в трехстах метрах, на пахоте? С полного карьера Квин легла как окаменелая, свернувшись корпусом наполовину в кольцо, голову против ветра; мы подозреваем, что причина этой удивительной стойки – лежащий накоротке заяц, мы не знаем еще, удастся ли нам его стрелять, но если Святой Губерт вложил нам в душу нечто большее, чем любовь к рагу из зайца, то зрелище, находящееся у нас перед глазами, уже дает нам полное удовлетворение. Мы подходим, прямо перед нами вскакивает заяц: бах! одна дробина перебила ему правое бедро; он немного побочил в сторону; бах! заяц растянулся на боку и с криком ползет, мы перезаряжаем ружье, готовясь отсалютовать всегда возможному воскресению; Квин не двинулась с места. За это стоит ее посильнее приласкать и наградить подачкой, которую мы для такого случая и носим в сумке. «С какой бы виртуозностью, – думает следящий за нами взором приятель, – Медор подал бы зайца и куропатку». Прекрасно, голубчик, но ваша собака не доставила случая стрелять по ним, а кроме того, Квин, подающая по приказанию, быть может, будет иметь сейчас случай показать свои таланты. Вот она вдалеке от нас, на жнивье, замирает на стойке как отлитая над тем самым выводком, что уже четыре раза срывался не в меру; она поворачивает голову в нашу сторону, приглашая нас, и остается неподвижной, как бы пораженная столбняком; выводок далеко, но он там; мы хорошо знаем манеру работы нашей помощницы. Бах! бах! Какой красивый дуплет! Но в то время, как мы подымаем убитую куропатку, другая, только лишь подбитая, убегает; она уже слишком далеко, чтобы стрелять по ней, она торопится достичь кустарника, где разыскать ее будет трудно. «Квин! Подай!» В несколько скачков наш пойнтер у куропатки и радостно подает ее нам прямо в руки. Если не представится необходимости, мы не пошлем больше во весь день нашей собаки подымать битую птицу; таким образом мы поддержим одновременно и ее инициативу и ее послушание. Мы на границе угодья, обратно нам надо идти по ветру; если бы Квин была еще в периоде дрессировки, мы взяли бы ее к ноге, но ей уже четыре года, и она хорошо знает свое дело. Вот она прихватывает, имея ветер в спину, она согнала три выводка и двух зайцев, не слишком на них задерживаясь, затем она пошла в сторону, работая челноком в указанном нами направлении, и доставила нам еще случай стрелять из-под ее стойки.

В четыре часа мы сходимся с владельцем Медора, он безуспешно весь день ходил ускоренным шагом, желая выходить возможно большую площадь, все время был начеку, готовый к выстрелу, расстрелял, стреляя не в меру, четыре или пять патронов, устал и теперь недоволен ни самим собою, ни собакой, ни припасами, ни погодой, ни дичью.

Что касается нас, то мы с утра не знали, какова будет охота в этой местности в это время года, но на душе у нас легко и мы удовлетворены, мы любовались работой нашего пойнтера, стреляли несколько раз из-под его стоек, видели на угодье много дичи, ходили, не торопясь, с ружьем на плече или под мышкою, и ягдташ наш не совсем пуст.

Мы уверяем егерей, которым альманах деревенского охотника не рассказывает про охоту на граусов, которые не находят в маленьких местных газетах отчетов о полевых испытаниях и не могут переезжать с места на место, чтобы видеть работу знаменитых филдтрайлеров, что такие собаки, как Квин, отнюдь не являются исключениями, а просто собаками хорошего происхождения, дрессированными любителями, как мы, а чаще такими же егерями, как и они сами.

ГЛАВА II

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО 4-х МЕСЯЦЕВ

Приблизительно в марте мы купим себе трех – или четырехмесячного щенка; таким образом, у нас впереди будет весна и лето, чтобы растить его, и первые свои шаги на попроще охоты он сделает в сентябре, а в следующем году, к открытию сезона, он будет уже готовой собакой, обеспечивающей нам наши охотничьи радости.

Если у нас есть великолепная сука, о какой я говорил, то повяжем ее осенью, и тогда щенки родятся как раз в то время. Просторная будка, жилище нашей суки, стоит в каком-нибудь закрытом месте; она тщательно дезинфицирована, пол ее выстлан хорошей соломой. Все готово для рождения щенят, у которых в первые дни их жизни не бывает других врагов, кроме холода и сырости. Но вот щенки появились на свет: мы слышим их писк сквозь холст, которым завешено отверстие будки. Что мы будем делать со всем этим маленьким народцем? Чем меньше щенят оставить под сукой, тем больше шансов вырастить их, не истощая матери; но было бы жаль уничтожать породистых щенят. В первый день следует уничтожить только родившихся с физическими недостатками и плохо окрашенных. Если мы сможем достать собаку-кормилицу, затруднение будет тотчас устранено: если же нет, попробуем применить соску.

Нам думается, что смело можно оставить пять щенят под сукой средней молочности; нам случилось оставить под одной сукой, ирландским сеттером, весь ее помет в десять щенят, и все они стали крупными и сильными собаками, но эта сука обладала великолепным аппетитом и была исключительной молочности.

Можно воспользоваться смешанной системой выкармливания: на рожке и естественной, или же выкармливанием только на рожке; в последнем случае надо отнять щенят от матери через три или четыре дня, ибо первое молоко последней содержит в себе необходимое слабительное начало, которое нельзя заменить искусственно.

Для рожка молоко должно быть разбавлено водою. Некоторые кормилицы неохотно принимают щенят от другой суки, на таких лучше надевать намордники и подкладывать им воспитанников по одному; не следует отнимать от кормилицы ее собственных щенят прежде, чем она примет как следует чужих. Здесь необходима тактичность, чтобы не оскорбить материнского чувства.

Молодые кормилицы гораздо предпочтительнее старых.

С двадцатого дня надо время от времени тыкать носом наших питомцев в тарелку с тепловатым подслащенным молоком, разбавленным немного водою и заблаговременно прокипяченным: они быстро приобретут привычку облизывать нос, а вскоре, день на двадцать пятый, дойдут до того, что сами будут замечать тарелку и пить из нее все лучше и лучше.

Мы можем давать им пять или шесть раз в день молока или бульона, но всякий раз очень понемногу.

Когда маленькие достигнут месяца, они легко будут обходиться большую часть дня без матери, но последнюю обязательно надо помещать к ним на ночь: долго еще ее теплота будет им необходима.

Лучше употреблять молоко кипяченое, как более гигиеничное, его надо разбавлять водою для большей удобоваримости. Отвар из льняного семени предохраняет щенят от воспаления кишечника; с последним успешно борется молочная кислота. Воспаление кишечника заставляет щенят худеть и делает их расположенными к рахиту в критическую эпоху отнятия их от груди; но его легко обнаружить, взвешивая щенят, которые должны ежедневно прибавляться в весе на несколько граммов, и рассматривая их экскременты; последние должны быть густы и желтого цвета.

Можно не давать молока щенкам, если сука кормит их предварительно разжеванной и проглоченной ею пищею, отрывнув ее обратно из желудка, где она пропиталась

желудочным соком. Такой переход от материнского молока к другому корму проходит гораздо легче. Происходит это обыкновенно некоторых сук от диких прародителей собак. Кишки и изрубленные желудки составляют лучшую пищу для таких матерей.

Щенки наши быстро растут; когда они достигают 2-х месяцев, мы начнем давать им суп, месячку, сырое мясо, кости, кишки и вареное мясо, сдобренное маисовой мукой.

Следует хорошенько закалять их организмы, ибо им придется, быть может, бороться с чумою. Когда столкнутся заразное начало и здоровая кровь, верх одержит то, что окажется сильнее; поддержать у щенка богатство крови, – значит поставить его в наилучшие условия для того, чтобы он мог выйти победителем из этого ужасного испытания. Нам надо облегчить щенку функции дыхания и пищеварения: рыбий жир отлично помогает дыханию и применяется всегда с успехом; с восьминедельного возраста мы даем его нашим питомцам каждое утро по одной ложке; раз в месяц даем одну несколько большую ложку, прибавляя в жир три капли бензина и стараясь хорошенько их размешать; эта смесь явится легким слабительным и вместе противоглистным.

Будем продолжать давать нашим щенкам возможно больше молока каждый день, и они будут чувствовать себя прекрасно. Не будем, однако, рано отнимать их от груди, а на сук, кусающих щенят, острые зубы которых щиплют им соски, будем надевать намордники. Как корм мы рекомендуем конину, овечьи головы, кишки и желудки, продаваемые на бойнях. Сушеным мясом и т. п. будем пользоваться лишь в очень ограниченном количестве и только убедившись, что оно хорошо переносится взрослыми собаками.

Одно замечание о молоке: оно мешает действию противоглистного и должно быть изъято из употребления при пользовании последним.

В конце этой работы мы рассмотрим различные болезни и укажем наиболее простые средства для их лечения.

Мы имеем законное желание закрепить за нашим щенком его гражданское положение, записав его во французскую родословную книгу (L. O. F.). Следовательно, нам надо выбрать кличку, которую еще не носят уже записанные собаки.

В течение веков великой крестной матерью всех собак была лишь фантазия; со времени появления родословной книги, служащей для отличия одних собак от других, вошло в обычай прибавлять к кличке собаки аффикс питомника, например: Уайльд Рейк де Сент-Поль де Вара.

В 1904 г. д-р Кастам, старший врач армии, предложил новую методику кличек, названную Хронопентагамма женского происхождения.

Мы не будем приводить здесь многочисленных соображений, вызвавших эту методику, а лишь дадим пример ее применения в нашем питомнике.

По новой формуле кличка собаки должна состоять из трех частей.

Первая личная (пишется как главная в родословных), обуславливается только тем, что должна начинаться с буквы, обозначающей год рождения (буква А служит для 1901 года и повторяется в 1926 1951 и т. п. годах).

Средняя – первородная, показывает происхождение со стороны матери.

Конечная – аффикс, указывает питомник.

Для какого-нибудь потомка вторую частью является первая часть клички его матери, измененная по закону, позволяющему узнать, из которого колена он происходит по отношению к суке-родоначальнице.

Д-р Кастэн предоставляет каждому изменять кличку суки-родоначальницы по собственной системе, но советует постоянно возвращаться к тем же кличкам во всех пяти поколениях, чтобы установить действительно гамму из пяти слов: Хронопентагамму.

Вот что мы получим для помета от нашей суки Маб-де-Белльфонтэн, рожденного второго апреля 1904 г. и состоящего из четырех кобельков и одной сучки: Домино-Маба-Фрам, Дюк-Маба-Фрам, Деар-Маба-Фрам, Дик-Маба-Фрам и Драгонн-Маба-Фрам.

Как видно, после первого слога «Маб» мы поставили гласную «а».

Если бы наша сука называлась Аршидюшесс, мы поставили бы слово: Арша.

Так как дело идет о женской линии, то клички кобелей не принимаются во внимание.

Все потомки сучки Драгонн-Маба-Фрам будут иметь средней первородной слово: Мабе.

Все потомки сук Мабе будут иметь средней первородной слово: Маби и т. д.

Все потомки сук Мабю будут иметь средней первородной слово: Маба-1.

Гамма, составленная из гласных, начинается снова.

Возьмем теперь кличку: Рекс-Блисси-1-Бретань; она обозначает: собака рождена в 1918 г., в питомнике Бретань и происходит из восьмого колена, по женской линии, от производительницы Блисс.

Мы не заставляем никого силою следовать этой системе и предпочесть ее какой-либо иной, но мы усердно просим заводчиков выбирать всегда клички со значением, облегчающим изучение родословных; наука о скрещивании выходит, мало-помалу, из мрака и требует рационального наименования животных.

Если мы выберем кличку несколько длинную, то будем произносить лишь часть ее, ибо, по нашему мнению, кличка означает только «внимание»; животное посмотрит на нас, и тогда мы отдадим ему приказание голосом или жестом.

Мы потребуем, чтобы лицо, на обязанности которого лежит кормить Фрама, собираясь это делать, всякий раз говорило слово «сюда», держа в левой руке чашку с едою, а правой ударяя себе по коленке. Таким образом мы обеспечим себе понимание собакою одного слова и одного жеста, которыми впоследствии сможем подзвать к себе далеко ушедшую собаку, и последняя радостно прибежит, помня, что знак правой руки сулит ей лакомый кусок из левой.

Впоследствии, пользуясь аппетитом нашей собаки, мы будем давать этот урок, равно как и все другие, перед едою, а не тогда, когда собака, насытившись, будет думать только о сне и не позарится на лакомство, которое мы сможем ей предложить.

Жилище Фрама – дубовая будка, тщательно выкрашенная темною каменноугольною смолою; пол ее может быть, по желанию, поднят над землею, крыша должна быть на петлях для облегчения еженедельного мытья будки водою с одною сотою частью креолина; вход зимою закрывается изнутри соломенным матом; пол устилается часто возобновляемой соломой; будка помещается у стены, выходящей на юг, т. к. собаки любят тепло и тени ищут лишь крайне редко, только когда температура слишком поднимается.

Когда собака лежит не в своей будке, надо заставлять ее при помощи самого легкого наказания ложиться на нары, находящиеся перед будкой, а не на голую землю, что вызвало бы мозоли на локтях и скакательных суставах.

Если будка должна оставаться на воздухе зимою, то несколько матов, образуя соломенную покрывку, хорошо ее защитят от холода.

В некоторых местностях пользуются очень низкими будками, в которых собака не может стоять на ногах и, вследствие этого, застрахована от приобретения скверной привычки пачкать свою подушку; мы, со своей стороны, вполне одобряем такую систему.

Будка окружена оградой из проволоки, образующей квадрат по три метра в стороне. Этот маленький выгул очень хорош, ибо, давая щенку возможность гулять, не позволяет ему убежать из-под надзора и, таким образом, приучаться к своевольничанью.

Даже если мы растим только одного щенка, назначенного впоследствии жить вместе с нами, поместим его теперь в эту маленькую псарню, ибо дома молодая собака неопрятна, грызет все, что ей попадается, а также получает лакомые кусочки, не заслужив их, а этим ее благонравие тоже портится.

Для питья будем давать свежую воду, но лучше давать вдоволь кипяченого молока.

Поместим в одном углу выгула тумбочку из соломы, чтобы щенок привык там мочиться.

Охотники, имеющие конюшню, в которой помещаются лошади, мелкий скот или кролики, не должны, даже на зиму, ставить в нее собачью будку, ибо отделяющийся от

навоза аммиак может иметь дурное влияние на обонятельные способности наших будущих компаньонов. В холодное время года будка, помещенная под хорошо защищенным навесом или в каретном сарае, будет самым лучшим жилищем для наших уже больших питомцев.

Когда Фраму минет два месяца, начнем его понемногу прогуливать по солнышку, пользуясь для этого моментом его возвращения с кормежки; в это время он обыкновенно испражняется, и необходимо приучить его производить эту операцию возможно дальше от его жилища. Впоследствии чистота в квартире явится результатом его прогулок после еды. Если бы во время прогулок мы могли завести дружбу с курами или утками, то время, потраченное на эти прогулки, не пропало бы даром.

До четырех месяцев щенки не нуждаются в мытье; для избежания же паразитов достаточно каждую неделю натирать щенят свежей пудрой из жигунца; но с этого времени еженедельные ванны, с прибавлением сотовой части креолина, могут оказать лишь хорошее действие. Операцию эту нужно производить утром и в солнечный день. Для мытья пользуются горячей водой, щенка трут травяной щеткой, затем вытирают толстым холстом, чтобы избежать всегда опасной простуды. Не следует бояться осторожно мыть внутренность ушей.

Креолин – лучшее предохранительное средство против воспаления уха, прыщей, кожных болезней и всяких паразитов; он совершенно безвреден, и собаки могут безопасно его слизывать. После многочисленных огорчений мы отправляем теперь в дорогу наших щенят в корзинах, вымытых раствором креолина, и находим этот способ пересылки превосходным.

Наконец, пересылка в легких корзинах – единственно практичная.

Многочисленные болезни, получаемые собаками при путешествиях в зараженных ящиках, предназначенных для их перевозки, заставили нас навсегда отказаться от этого способа.

Во всяком случае, получая собаку с железной дороги, мы, по прибытии ее, делаем ей креолиновую ванну и повторяем ее на другой день, даже на третий, если собака обнаруживает желание чесаться. Мы пускаем ее к кухонному очагу, если погода недостаточно тепла, чтобы собака могла сохнуть на воздухе.

ГЛАВА III ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ

Правила гигиены, позволявшие нам поддерживать здоровье нашего питомца в цветущем состоянии до четырех месяцев, будут служить нам в нашем деле и в течение этого второго – по нашему мнению, самого важного – периода.

Час дрессировки пробил, ибо, по арабской пословице, можно гнуть на свои лад молодое дерево, старый же ствол нельзя выправить.

Весь наш метод покоится на пользовании наградами.

Будет ли этой наградой ласка или лакомство, будет ли это кусок мяса, бисквит, тартинка или медовый пряник – это неважно, мы будем все это обозначать одним выражением – подачка. Дома мы будем пользоваться сырой кониной, а вне дома маленькими сухариками, сделанными из муки и поджаренными на сале. Эти сухарики, не пачкая наших карманов, сослужат нам большую службу, чем все строгие парфорсы, усаженные в три ряда гвоздями.

Все наши занятия с собакою будут иметь целью добиться, чтобы она связала в своем уме идею о награде с идеею об известном действии, которое продиктовано ей нашим жестом или голосом и которое она должна выполнить.

Всякая дрессированная собака должна исполнять по первому приказанию каждое из следующих действий:

1. Поворачивать голову в нашу сторону, когда мы произносим ее кличку.
2. Приходить по приказанию «Сюда!», по свистку или по жесту, когда мы, нагнувшись,

бьем правой рукой по колену.

3. Ложиться по команде «Лечь!», по свистку, при поднятии правой руки, при прицеливании, при звуке выстрела и при подъеме дичи.

4. Идти сзади нас по команде «К ноге!» и по жесту нашей руки, указывающей за спину.

5. Приносить поноску или дичь по команде «Подай!». Садиться и отдавать нам прямо с руки принесенный предмет по команде «Дай!».

6. Идти в поиск по указанному направлению по приказанию «Иди!» и по жесту руки, простертой в этом направлении.

7. Медленно подвигаться по команде «Вперед!» и по жесту руки, низко простертой, ладонью вниз, в желаемом направлении.

8. Оставлять стойку или след по приказанию «Брось!» и по маханию кистью руки, простертой горизонтально вперед.

Мы приняли слово «лечь», ибо не знаем более удобного повелительного наклонения.

В конце концов месяцев через шесть после начала дрессировки Фрама, все слова команды, приведенные выше, будут иметь очень мало значения, и, чтобы удержать нашего воспитанника в должных границах, достаточно будет жестов и свистка.

Обыкновенно, чтобы уложить собаку, свистком не пользуются, но мы в пользовании им видим большое удобство; при дрессировке собаки большого поиска наш голос часто оказывается недостаточно сильным, чтобы приказать лечь, и, если собака забудет взглянуть на нас, мы будем лишены возможности передать ей наше желание.

Если мы хотим сделать круг, чтобы обойти куропаток, по которым Фрам сделал стойку, и, так как мы решили к тому же перевести последнего в лежащую стойку, мы не будем отдавать приказания голосом, ибо это испугало бы птицу, а дадим легкий свисток, по которому он тотчас ляжет.

Мы будем пользоваться всегда одним и тем же свистком для одного и того же щенка и этим легче добьемся от него повиновения.

Мы употребляем свисток и для того, чтобы заставить собаку возвратиться, но тогда как, чтобы приказать лечь, мы даем один продолжительный свисток, для отзыва собаки мы даем ряд двойных свистков: фью-фью, фью-фью.

Для обучения подаче будем пользоваться соломенным жгутом, обшитым холстом таким образом, чтобы образовался маленький цилиндр длиной пятнадцать сантиметров и четыре сантиметра в диаметре; назовем его поноскою. Позднее мы устроим поноску из другого материала, сделав ее более тяжелой по концам при помощи двух кусков кирпича и придадим ей форму, удобную для облегчения равновесия грузов. Для достижения мягкой хватки необходимо пользоваться чем-нибудь мягким: можно делать практичные поноски из конца резиновой трубки, перчатки, наполненной бумагой, или мешка с опилками.

Во время прогулок дадим щенку возможность свести более близкое, но мирное знакомство с домашнею живностью. Будем почаще повторять ему его кличку и приказание «сюда» с присоединением подачи.

Первый урок

Мы приводим Фрама в какое-нибудь огороженное место, где бы ничто не могло отвлекать его внимания. Наклонившись и повторяя безостановочно и медленно слово «лечь», мы заставляем нашего щенка лечь на живот, положив голову на вытянутые вперед передние лапы; продержим его в этом положении, все время лаская; затем берем правой рукой подачку, кладем ее ему в рот, произнося несколько раз слово «иди», и позволяем ему встать и пойти.

Когда щенок немного порезвится, мы снова начинаем тот же урок и поступаем так четыре раза подряд, а затем оставляем нашего ученика в покое.

Позаботимся о том, чтобы не пришлось заставлять щенка ложиться на сырую землю, ибо это может вызвать с его стороны сопротивление. Вначале мы будем требовать от щенка полной распростертости, это очень важно; в дальнейшем мы увидим, должны ли мы строго придерживаться этого требования. Урок продолжается пять минут и повторяется несколько

раз в день. Наиболее интеллигентные особи требуют не более шести дней, чтобы научиться исполнять это упражнение, после чего очень важно не давать им ни одной подачки, не заставив их предварительно лечь. После того как Фрам узнает значение слова «лечь», мы будем сопровождать это приказание легким свистом и поднятием правой руки в вертикальном направлении; несколько времени спустя одного из этих трех знаков будет достаточно, чтобы собака легла.

Второй урок

– Фрам! Лечь!

Когда щенок выполнит это приказание, мы показываем ему подачку и кладем ее на землю на расстоянии метра от его носа; через несколько секунд мы произносим слово «иди»; собака бросается и радостно схватывает кусочек. Коль скоро результат этого будет достигнут, мы не будем больше позволять собаке есть ее корм, не уложив ее предварительно перед ее чашкой.

Третий урок

Во время предыдущего урока Фрам думает лишь о желанном моменте, когда мы произнесем слово «иди» не надо же злоупотреблять терпением нашего приятеля: мы скоро достигнем гораздо большего следующим образом.

– Лечь!

Щенок и подачка лежат одна перед другим на своих местах; вместо того чтобы сказать «иди», мы поднимаем подачку с земли и, не торопясь, даем ее нашему воспитаннику, требуя, чтобы он не трогался с места; берем вторую подачку и проделываем то же. Немного надо логичности Фраму, чтобы понять, что ему нет никакой необходимости бросаться на подачку, ибо, когда он не может подойти к ней, она сама является к нему. Постепенно мы дольше и дольше оставляем щенка лежать перед его кормом; удаляемся от него, приближаемся, даже делаем вид, что не обращаем на него внимания и позволяем другой собаке подходить и совать нос в его посудину.

Мы знали пятимесячных пойнтеров, остававшихся лежать так среди двора, мы уходили от них на десять минут и, когда возвращались, находили их на том же месте. Эти же самые пойнтера, в годовалом возрасте, ложились на стойке перед выводком и несколько времени нас ожидали, и в то время как собаки наших товарищей гонялись по полю за зайцами, увлекая своим примером и послушных собак, собаки, дрессированные нами, лежали, не обнаруживая никакого волнения. Всего этого достичь легко, но только очень постепенно. Не должно быть места суровости, но не надо и поблажек.

Четвертый урок

Нам нет необходимости ждать дольше и мы можем теперь расстрелять несколько пистонов из детского пистолета, приказывая при каждом выстреле лечь. Через несколько дней этого слабого хлопка будет достаточно, чтобы щенок охотно лег, ибо это сулит ему подачку, в которой мы никогда ему не отказываем.

Позднее мы возьмем настоящий пистолет или ружье, но будем действовать очень постепенно, чтобы не напугать впечатлительное животное.

Когда мы перейдем к ружью, мы будем требовать лечь в тот момент, когда мы прикладываемся.

Пятый урок

Каждый урок продолжается всего несколько минут; достаточно заниматься четыре или пять раз в день, чтобы щенок обнаружил некоторую сметливость, успех был достигнут и собака охотно повиновалась.

Настало время заниматься с нашим другом во время прогулки.

– Фрам! Лечь!

Всякий раз, как мы удаляемся от лежащего щенка, возвратись, мы награждаем его. Сначала мы удаляемся медленно пятясь, затем, по мере успехов воспитанника, быстрее и, наконец, бегом.

Первое время необходимо позволять ему подыматься только после того как,

возвратись, мы дали ему подачку; тогда, видя, что мы уходим, он не будет пытаться следовать за нами, зная, что мы обязательно возвратимся.

Только позднее и то изредка мы будем подзывать его издали, да и то, прежде чем крикнуть «сюда», мы должны сделать два или три шага по направлению к щенку.

Шестой урок

Фрам ложится очень хорошо, когда мы рядом, но он должен повиноваться на всяком расстоянии, вот в чем мы можем с успехом поупражнять его во время прогулки: в то время как он галопирует, мы громко свистнем. Щенок или ляжет – и тогда мы, быстро подойдя, наградим его, – или же он посмотрит, готовясь подойти к нам, тогда мы повторим жест и приказание, и, если щенок, проползая по направлению к нам, ляжет в нескольких шагах от нас, мы пойдем к нему, возьмем на руки, отнесем назад и заставим его лечь на том месте, где он был, когда услышал первое приказание, и возвратимся медленно на место, с которого мы приказывали.

Мы снова свистнем и, подождав его, идем к нашему щенку, награждаем его и заставляем подняться.

Когда мы несколько раз повторим этот маневр, относя или отводя Фрама на то самое место, где он получил приказание свистком, выстрелом или жестом, он не захочет больше отдалять момента получения подачи, уходя лечь на другое место. Не будем допускать даже одного шага после того, как приказание «лечь» отдано.

Седьмой урок

Чтобы заставить собаку ложиться при подъеме птицы или зверя, выроем вблизи от дома ямку в земле, посадим туда голубя, а сверху положим дощечку, снабженную шнурком, прижав ее кирпичом; всякий раз, как мы будем выходить с Фрамом, держа его на сворке или пустив его свободно, мы будем дергать шнурок; в момент взлета птицы мы таинственно произносим «лечь», говоря как можно тише и щедро награждая за исполнение приказания; скоро не будет необходимости в приказании: Фрам будет сам ложиться при взлете чтобы получить подачку. Хорошо будет менять местонахождение ямки, это легко сделать, так как, чтобы сделать ямку достаточной глубины, надо вырыть земли всего на один штык лопаты.

Можно пользоваться и ящиком, употребляемым на голубином стрельбище.

То же, что мы делали с голубем, сделаем с полудиким кроликом; но если первый возвращается на голубятню, второй отлично бы мог совсем убежать, поэтому мы наденем ему ошейник с цепочкой, к которой будет прикреплена веревка. Не будем упускать случая заставлять Фрама ложиться при взлете голубей, кормящихся на дворе и по дорогам. Хороший метод, заставив собаку лечь посреди двора, пустить прирученную дичь и даже полудиких кроликов и, пока дичь будет там находиться, удерживать собаку распростертой. В несколько дней Фрам привыкнет ложиться при появлении дичи.

Этот урок требует материала, которым не располагают в городе, поэтому его можно отложить на время, посвятив, позднее на угодьях, несколько уроков упражнению, которым мы занимались теперь, и быстро достичь желаемых результатов.

Восьмой урок

Очень приятно иметь возможность держать собаку у своих ног, не прибегая ни к какой сворке, если в этом встретится надобность, а случаи такие на охоте очень многочисленны: пойти на условленное место встречи, сделать обход, чтобы захватить ветер, пройти через чужие угодья; да даже и в обыденной жизни, например, чтобы доставить обитателям питомника полезную тренировку за лошадьё или велосипедом и не бояться увидеть, как они унесутся в поле. Вот как дается на прогулке этот урок. Мы чуть было не сказали «этот важный урок», но всю предлагаемую методу можно сравнить с лестницей, по которой мы поднимаемся ступенька за ступенькой: все ступеньки важны, если пренебречь одной, вся наша дрессировка потеряет свою последовательность и цельность.

Мы выходим с Фрамом и после того, как он, порезвившись при выходе из питомника, отдохнет и отправит естественные потребности, заставляем его лечь и привязываем к его ошейнику шнурок, держа последний в левой руке. Когда собака привыкнет к такой привязи,

мы берем подачку в правую руку и, держа ее за спиною, приседаем немного и отдаем подачку щенку, не вынимая руки из-за спины и произнося несколько раз слова «к ногам».

Во время прогулок мы будем часто проделывать это упражнение. Фрам быстро соединит в своем уме представление о подачке с необходимостью следовать сзади нас, и менее чем через неделю при слове «к ногам» он подбежит к нашим ногам; тогда, заложив руки за спину, мы сделаем несколько шагов, затем, нагнувшись, отдадим щенку подачку, которой будет дожидаться, трусая сзади.

Будем удлинять более и более время, в продолжение которого мы будем заставлять щенка идти сзади нас, ничего ему не давая, но постараемся награждать его всегда раньше, чем истощится его терпение.

Мало-помалу мы достигнем желанного результата. Не будем позволять Фраму, получившему подачку, уходить от нас, пока не прикажем ему «иди».

Скоро наступит момент, когда нужно будет заставлять его на прогулке идти все время у ног; послушание его от этого много выиграет.

Девятый урок

Мы будем дрессировать нашу собаку с подачей, и мы имеем для этого достаточное основание.

Подача – прежде всего средство сделать собаку мягкой. Затем, чем разнообразнее программа дрессировки собаки, тем скорее и лучше выучивается она ее выполнять; в лесу подача часто бывает полезна, на болоте она необходима.

Наконец, если говорить с точки зрения коммерческой, то охотники в газетных объявлениях обычно выражают желание купить апортирующих собак, подача же требуется и на испытаниях короткого поиска.

Но чтобы подача являлась достоинством, надо, чтобы собака подавала только по приказанию, имела бы мягкую хватку и чтобы желание не побуждало бы ее срывать со стойки и нестись только за зайцем. Поэтому мы примем за правило, чтобы собака с самого раннего возраста обучалась подаче всяких мягких предметов, всякой дичи, даже с неприятным запахом, а особенно водоплавающей, но обучалась бы дома.

На охоте, до двухлетнего возраста, собака не будет иметь права притронуться ни к одной убитой птице; когда же ей минет два года, мы будем позволять ей подавать одну из пяти битых птиц, но обязательно битую мертво.

Только позднее, и то с большою осторожностью, мы пошлем ее за подранком.

Мы настоятельно просим хорошенько вникнуть в то, что подача, не облегчая обучения стойке, только увеличивает препятствия, которые мы должны преодолеть, чтобы удержать в границах отчетливого повиновения собаку, носящуюся карьером вне власти наших рук. Поэтому многие охотники, которым не приходится ходить по болотам, не обучают своих собак большого поиска подаче, но они не задумаются вторично стрелять по подранку, или, если им это не удастся, они, подождав несколько времени, заставляют собаку идти по следу и бьют подранка из-под ее стойки, или, чаще всего, подымают его уже мертвым. Таким образом они потеряют меньше дичи, чем если бы их собака бросилась как сумасшедшая, проскочила бы дичь, затоптала бы ее следы, а саму ее заставила бы скрыться тем скорее, что та почувствовала бы себя настигнутой вплотную.

Сколько наша собака с невыработанной подачей поднимает вне выстрела дичи из-за одной птицы, которую она найдет и подаст!

Будем дрессировать с подачей, но подачей разумной. Мы находимся во дворе или в комнате, в руках у нас маленькая поношка, подносим ее Фраму, как игрушку, и бросаем в нескольких шагах, произнося «подай»; если он пойдет за ней и принесет нам ее – отлично; чтобы позабавить щенка, мы потрясем немного поноску, которую он держит в зубах; в момент, когда собака разожмет челюсти, мы вытаскиваем поноску и всовываем ей в рот подачку; помашем снова перед носом щенка поноской и повторим раза два-три ту же операцию; мы знали собак, которые с первого урока соединяли в своем уме идею о поданной вещи с идеей о подачке.

Если щенок не обращает внимания на поноску, мы привязываем ему к ошейнику шнурок, открываем ему тихонько пасть и вкладываем туда поноску, удерживая ее левой рукой; спустя несколько секунд мы вынимаем правой рукой поноску и награждаем щенка.

В продолжение всего этого урока, мы держим подачку между большим пальцем и остальными, вытянутыми и сжатыми, и стараемся просунуть ее снизу поноски прямо в зубы щенку таким образом, чтобы внушить ему, что, положив последнюю нам в руки, он тем самым заставит появиться из поноски лакомство.

По той же причине некоторые дрессировщики превозносят употребление в качестве поноски мешочка, в который вложен ломтик сыра.

Когда мы достигнем того, что щенок будет держать поноску во рту, мы заставим его следовать за нами на сворке, затем неожиданно возьмем от него поноску и наградим его. Если щенок уронит поноску, мы снова вложим ее ему в рот прежде, чем взять ее от него окончательно и наградить его.

Только когда щенок будет охотно нести поноску и проявит даже известное желание отнять ее у нас из рук, мы начнем бросать ее в нескольких шагах, подзадорив предварительно Фрама, помахав ею у него под носом.

Отсутствие успеха всегда является как следствие желания быстро идти вперед. Пока щенок считает работой, а не удовольствием держать поноску, – момент, когда можно будет посылать его за нею, еще не настал.

Когда подача будет хорошо изучена, мы заставим Фрама садиться и будем требовать, чтобы он открывал пасть только по приказанию «дай». Позднее мы заставим его подавать кусок хлеба, затем котлету, чтобы внушить ему, что нельзя есть того, что он подает, и что он исполняет работу, а не играет.

Десятый урок

Лето. Купанье наших собак является превосходной подготовкой их для охоты в болоте. Даже в поле, когда битая куропатка упадет на другой берег ручья, мы будем счастливы, если наша собака не замедлит пойти туда за нею. Поищем отлогого берега, например место водопоя, и начнем бросать маленькие подачи все дальше и дальше в воду, говоря «подай»; щенки кончат тем, что поплывут, чтобы удовлетворить свою алчность. Выберем для этого урока нехолодную воду и солнечный день, чтобы наши воспитанники скорее высохли.

Как только щенки перестанут бояться воды, можно будет сразу же заставить их подавать из воды мешочек, наполненный пробками. Это так просто, что нам кажется лишним на этом останавливаться.

Одиннадцатый урок

Во время наших прогулок выберем место, поросшее колючим кустарником и представляющее мало соблазна проникнуть в него, дадим Фраму хорошенько понюхать поноску и бросим ее в нескольких шагах от него в кусты: «Фрам! Подай!»

Действуя очень постепенно и щедро награждая собаку, мы достигнем того, что можно будет заставлять нежного пойтера продираться через кустарник, затрудняющий его больше чем коккера. Не будем отбивать охоты у нашего ученика, желая двигаться слишком быстро.

Двенадцатый урок

Подача совершенно остывшей дичи – прекрасное упражнение для дома, но и здесь мы будем действовать осторожно и смотреть за тем, как собака берет дичь. Если наш щенок слишком поспешно бросится за птицей – уложим его перед ней, прежде чем позволить ему взять. После битой птицы надо перейти к живой дичи: голубям, молодым кроликам, предварительно связанным. Мы будем всегда сперва заставлять щенка несколько времени носить птицу за нами, а уж потом посылать его за нею; благодаря такому приему собака лучше научится, как она должна держать дичь во рту.

Повторение упражнений с подачею обеспечивает ее правильность.

Мы всегда считали прекрасным следующий пример: возвратясь с охоты, надо вынуть из ягдташа добычу и разложить ее по двору; потом привести собак, уложить их тут же; затем, по приказанию, отданному словом или жестом, заставить каждую из них по очереди

отыскать по одной штуке дичи, за что и награждать их, не скупясь на ласки, – и так проделывать каждый раз. У нас не было никогда собаки с действительно грубой хваткой, против которой только что приведенное упражнение не послужило бы верным и решительным средством.

Тринадцатый урок

Здесь мы сделаем отступление, друзья читатели, чтобы обратить ваше особенное внимание на последующие уроки, имеющие своим предметом разработку поиска математически точного, под острыми углами, на всяких аллюрах.

Такой поиск дается собаке легче, если она работает на аллюре, наиболее для нее подходящем; однако при дрессировке, чтобы не упустить собаки из рук, приходится ее держать от себя на известном расстоянии и умерять быстроту ее хода. Когда мы достигнем поиска, о каком мы выше говорили, то будет не более как игрушкой увеличить его широту и быстроту хода; движения же направо и налево останутся такими же методичными.

Почти все руководства по натаске рекомендуют разработку поиска, но считают излишним вдаваться в детали методов, позволяющих достичь верных результатов. Сильные своим опытом, мы приведем здесь метод, который считаем непогрешимым в руках того, кто пожелает придерживаться его до конца работы со своим воспитанником.

Мы вдадимся в детали, которые могут показаться излишними или детскими некоторым знатокам, но пусть они извинят нас, помня, что этот труд имеет целью дать возможность самому малоопытному охотнику выдрессировать самую упорную собаку, лишь бы у него хватило на это терпения.

Начнем же учить Фрама двигаться в том направлении, в котором нам желательно.

«Лечь!» Кладем на землю в трех метрах налево от щенка подачку, сами становимся в двух метрах перед ним и говорим: «Иди!» Вытягиваем горизонтально, направо, правую руку, прижатую до этого к груди; Фрам бросается в указываемом направлении и находит подачку.

Прделаем таким образом несколько раз, меняя направление то направо, то налево и стараясь произносить слово «иди» все тише и тише, и скоро щенок, следящий внимательно за движением наших рук, по одному жесту отправится в указываемом направлении.

Четырнадцатый урок

Будем увеличивать трудность предыдущего урока, становясь дальше и дальше от щенка и отдаляя от него подачку, кладя ее по линии, перпендикулярной к его корпусу. Мы повторяем совет умерять нетерпение Фрама. Прежде чем произносить приказание «иди», сопровождаемое жестом, мы медленно удаляемся от щенка, затем приближаемся, даем ему подачку и, наконец, возвращаемся на свое место.

Собака все время лежит в точке *С*, дрессировщик помещается на линии *СД*, а подачка положена в какой-нибудь точке *П* линии *АВ* (рис. 1).

Хорошо возможно чаще класть подачку на что-нибудь возвышающееся над землею, чтобы не приучать щенка искать, уткнувшись носом в землю. Впоследствии Фрам будет работать верхом и ему будет легче причуивать издали эманации, приносимые ветром.

Пятнадцатый урок

Когда щенок будет удовлетворительно исполнять предыдущее упражнение, на каком бы расстоянии мы от него ни находились, стоя прямо против него, мы начнем перемещаться по направлению, параллельному линии, соединяющей голову собаки с подачкой. Здесь будут три основных положения (рис. 2).

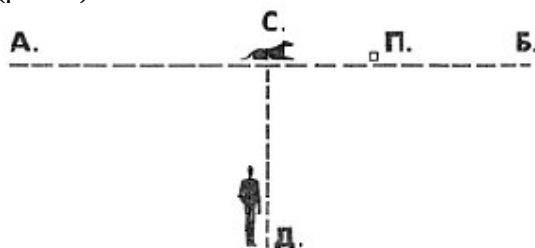

Рис. 1

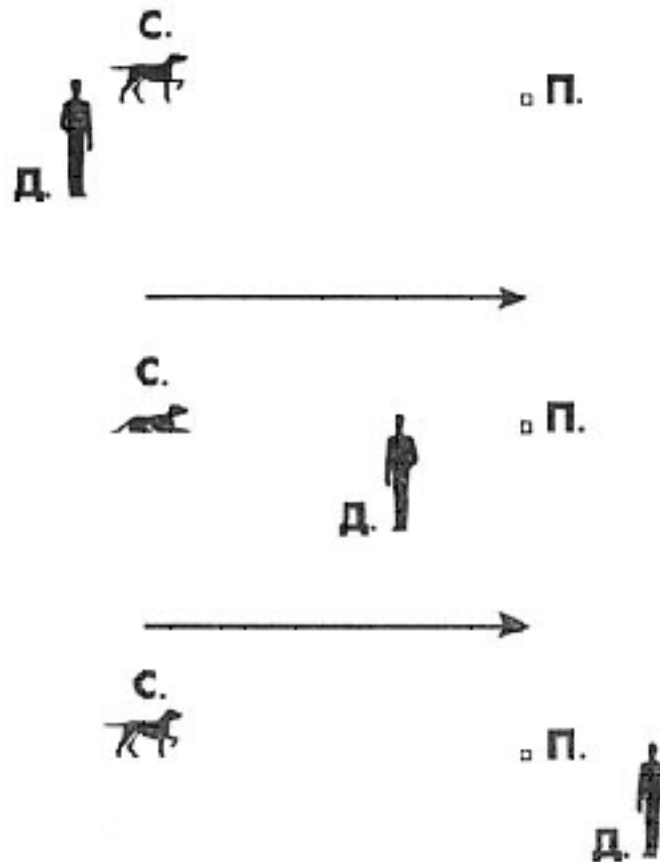

Рис. 2

Тут представится случай еще раз попрактиковать Фрама в послушании. Дадим свисток, сопровождаемый поднятием руки в тот момент, когда Фрам собирается схватить подачку; если Фрам ляжет, мы подойдем к нему, дадим подачку, вынув ее из кармана, и несколько раз медленно произнесем слово «вперед»; по этому приказанию собака должна начать подвигаться шаг за шагом к подачке и, подойдя, взять ее. При движении Фрама вперед мы осторожно, но достаточно решительно сдерживаем его своркою.

Будем также приучать его останавливаться по приказанию «не смей». Позднее мы будем прерывать движение вперед остановками, приказывая – то «вперед», то «не смей».

До сих пор мы всегда показывали Фраму, куда клали подачку; добившись же, чтобы он хорошо усвоил описанное упражнение, можно начать класть подачку так, чтобы он ее не видел, но совершенно легко мог найти ее.

Шестнадцатый урок

Укладываем Фрама между двух подачек, сами становимся лицом к нему и посылаем его направо; тотчас, как он схватит первую подачку, мы свистим, Фрам ложится и смотрит на нас; тогда жестом левой руки мы посылаем его налево и он находит вторую, жестом же мы подзываем его к себе. Таким образом, исполнено первое движение того правильного поиска, которому мы желаем его научить (рис. 3).

Только при наличии правильного поиска мы сможем заставлять собаку вполне обыскивать пространство.

Правильный поиск развивает предприимчивость у собак лимфатичных и принуждает их обыскивать местечки, которыми они, по своей апатии, пренебрегли бы; он удерживает в должных границах собак с увлекающимся характером и позволяет обращать к нашей выгоде страстность их натуры; наконец, это тот поиск, который на испытаниях доставляет дрессировщику, равно как и собаке, заслуженную известность.

Всякий раз, как Фрам уклонится от направления, в котором он был нами послан, мы

заставляем его лечь и затем посылаем его снова в том же направлении, тотчас приказывая ему лечь, если он бросится не точно по направлению нашей руки.

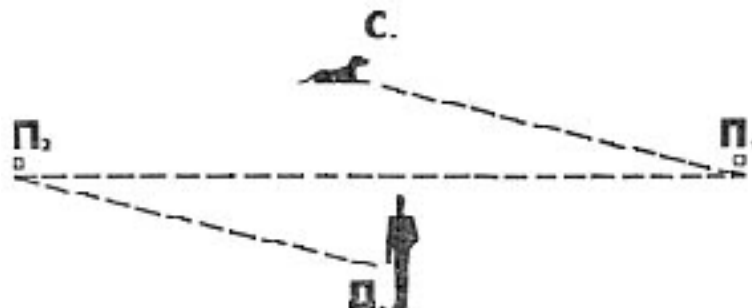

Рис. 3

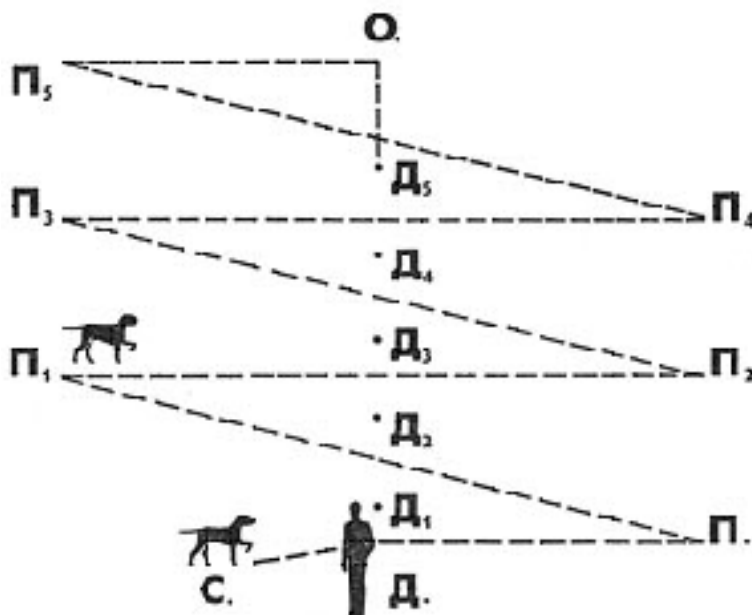

Рис. 4

Разложим на дворе, по возможности не на самой земле, а выше: на скамейках, тумбах, столах, пнях, кирпичах и т. д. – целый ряд подачек в точках $П$, $П_1$... $П_5$. Затем приведем нашего воспитанника и уложим его в точке $С$, сами поместимся в точке $Д$ – и урок начнется (рис. 4).

Посылаем Фрама из точки $С$ в точку $П$, где он находит подачку, свистим, и собака ложится; продолжаем дальше таким же образом, пока щенок не окажется на точке $П_5$, а мы в $Д_5$. Тогда посылаем его снова направо; но в момент, когда он проходит через точку $О$, заставляем его лечь, затем подзываем к себе и щедро награждаем, не скупясь на ласки.

Такой урок, повторяемый каждое утро и каждый вечер, когда щенок успокоился и отдышался, быстро научит собаку сновать челноком перед нами и точно повиноваться нашему беспроволочному телеграфу.

Надо, чтобы расстояние от $П$ до $П_2$ было по крайней мере метра три, чтобы Фрам не пробовал идти прямо из $П$ в $П_2$, не пройдя через $П_1$.

Можно давать этот урок перед домом или даже на дороге, выбирая такое время, когда там трудно встретить что-либо могущее отвлекать внимание ученика. Кучами камня мы будем пользоваться, чтобы класть на них подачки.

Семнадцатый урок

Когда мы увидим, что послушание Фрама стало действительно механическим и инстинктивным, мы не будем больше заставлять его ложиться, а начнем посылать его из

точки *П* в точку *П 1*, из точки *П 2* в точку *П 3*... сразу, как только он найдет подачку.

Мы можем с большим успехом возвратиться к пятнадцатому уроку, крикнув в нужный момент «не смей», затем «вперед». Наш щенок должен остановиться, затем медленным шагом подойти к подачке, направиться, опять-таки медленно, к следующей и пойти быстрым ходом лишь по приказанию «иди».

Восемнадцатый урок

Настал момент учить Фрама прекращать поиск по команде «брось» и жесту, сопровождающему это приказание.

Пойдем на двор, взяв с собою какую-нибудь пахучую подачку, потрем ею скамейку, стоящую в точке *П*, чтобы она приняла ее запах, и положим ее в точке *П 1*, положим также подачки в точках *П 2*, *П 4* и *П 5*, в точке же *П 3* класть подачки не будем, а только сообщим ей запах последней, как сделали это в точке *П*; затем приведем Фрама и уложим его в точке *С*. Пошлем собаку из точки *С* в точку *П*, где она почует что-то соблазнительное, но ничего не найдет, вот тут-то мы и произнесем медленно и несколько раз подряд слово «брось», посылая щенка из точки *П* в точку *П 1*, затем из точки *П 1* в точку *П 2*, из точки *П 2* в точку *П 3*, где мы и повторим достаточное число раз то же самое «брось», сопровождая его жестом кисти правой руки, помахивая ею, полувытянув горизонтально вперед. Затем посылаем из *П 3* в *П 4* и т. д.

Слово «брось» заставит собаку понять, что, разыскивая подачку, она должна более рассчитывать на нас, чем на собственный талант.

Мы считаем вредным прятать подачку и возлагать заботу о том, чтобы собака нашла ее, лишь на ее инстинкт. Собака проходит двадцать раз по одному и тому же месту и, наоборот, оставляет много мест необысканными, а если и находит подачку, то это является не больше, как делом случая.

Разработку поиска мы считаем очень важной. Один очень уважаемый охотничий писатель выразился недавно о кобеле пойнтере, награжденном на испытаниях, так: «Х... обладает лишь средним чутьем, но его методичный поиск не позволяет ему пройти дичь, а его ум позволяет ему сделать стойку, не споров ее». Вот образец собаки, улучшенной именно дрессировкою.

ГЛАВА IV ОТ ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ ДО ОТКРЫТИЯ ОХОТЫ

В предыдущей главе мы показали, как добиться пассивного и охотного повиновения путем убеждения и подачками; мы не упоминали ни о парфорсе, ни о хлысте, считали, что их надо применять не при шалостях несознательных еще щенят, а только при проступках собак, окончательно выдрессированных.

Почти вся работа, о которой мы говорили, может быть исполнена в городе всяким охотником, располагающим полчасом времени в день, чтобы повозиться с будущим спутником в своих охотничьих похождениях.

Все это так просто и интересно. Менее чем через неделю мы превратим всех наших домашних в великолепных дрессировщиков, работающих с нашим щенком, когда дела мешают нам самим этим заняться.

Какую разницу мы увидим в том семимесячном возрасте, когда во Франции обыкновенно начинают дрессировку подружейных собак, между Фрамом и его сверстниками, выросшими в питомнике или на свободе, на улице.

В этой четвертой главе, предшествующей главе о работе в поле, мы изложили приемы, полезные для укрепления вне дома оснований правильного поиска.

Идеальным местом для этого был бы квадратный луг со сторонами по шестидесяти метров каждая и ясно обозначенными какою-нибудь изгородью границами. Такое место найдется не у всех, воспользуемся же таким, каким мы можем располагать. В гарнизонных городах учебные плацы, в известные часы дня, представляют из себя часто тихие уголки,

благоприятные для нашей работы.

Девятнадцатый урок

Мы отправляемся из дома с поноской в кармане и лакомствами в другом, можем также вооружиться маленьким револьвером с холостыми зарядами.

Даем Фраму десять минут свободы, затем посылаем к ногам.

В известный момент, так, чтобы собака этого не видела, мы бросаем через плечо поноску и проходим вперед еще двадцать пять метров. Укладываем Фрама и, став перед ним, говорим: «иди», «подай», показывая рукой по направлению к поноске; собака идет в указанном направлении, но не находя ничего на протяжении пятнадцати метров, проявляет желание вернуться; свисток заставляет ее лечь, мы повторяем тот же жест, указывая направление, и Фрам кончает тем, что на пути находит поноску.

Мы проделываем это упражнение каждый день по несколько раз, увеличивая более и более расстояние и всегда награждая собаку.

Двадцатый урок

Вот мы на месте главной цели нашей прогулки; убеждаемся, что здесь нет никакой другой собаки, что очень важно: ведь так приятно поиграть, когда молод.

Укладываем Фрама в точке *С* и даем ему понюхать поноску, затем идем в точку *П*, из точки *П* в точку *П 1*, оттуда в точку *П 2* и т. д., возвращаясь через точки *П 5*, *О*, *Д*. Постараемся уронить поноску в точке *П* так, чтоб Фрам, лежащий все время в точке *С*, но взглядом следящий за нами, не мог заметить места, где находится инструмент, дающий желанную подачку.

Постараемся взять направление против ветра, эта предосторожность необходима (рис. 5).

Посылаем Фрама из точки *С* в точку *П*, где он находит поноску и приносит ее нам в точку *Д*.

Укладываем его в точке *С* и повторяем снова наш маневр: *Д*, *П*, *П 1* и т. д. *П 5*, *О*, *Д*, роняя поноску в точке *П 1*.

Посылая Фрама из точки *Д* в точку *П*, где он ничего не находит, мы говорим «брось» и посылаем жестом из точки *П* в точку *П 1*, где наш ветрогон находит поноску и идет подать ее нам в руки. Таким образом, можно начинать снова несколько раз, но надо следить, не надоело ли это щенку. Не надо забывать самим проделывать правильный челнок, ибо если бы мы пошли прямо в точку *П 5*, например, Фрам – ведь он все же только животное, а не человек – возьмет пример с нас и сейчас же пойдет тоже в точку *П 5*.

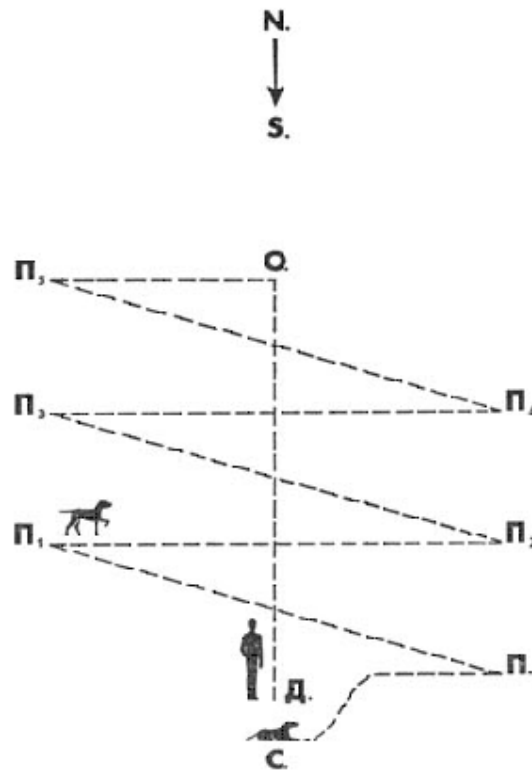

Рис. 5.

Если наша собака исполняет хорошо это первое упражнение, а это будет всего вероятнее так, мы можем уложить ее в какой-нибудь момент ее поиска выстрелом из револьвера и затем приказывать ей словом «вперед» подвигаться шаг за шагом.

Всякий раз, когда можно будет положить поноску сантиметров на пятнадцать над землей, не упустим случая сделать это.

Через несколько дней, работая все время на том же месте, мы пошлем кого-нибудь положить поноску в какой-нибудь точке, лежащей на одной из сторон участка, параллельных направлению ветра, таким образом, на прилагаемом рисунке, где ветер показан дующим с севера, поноска будет положена на западной или восточной стороне. Мы будем предупреждены о месте, где лежит поноска. Заставим Фрама искать против ветра и будем направлять его так, чтобы он нашел поноску. Какая радость для него, а также и для нас, сколько ласк и подачек!

В момент, когда собака нашла поноску, мы говорим «Фрам», показывая на нее пальцем; если когда-нибудь случится, что наш младенец пройдет вблизи поноски, не чуя ее, одно слово «Фрам», сопровождаемое жестом, покажет ему, что он у цели своих исканий и должен ее найти недалеко от своего носа.

Двадцать первый урок

Причины, заставляющие нас настаивать на предыдущем уроке, даже если бы у нас не было желания убедить наших собратьев в важности помещения поноски на краю поля, следующие.

Прежде всего мы легче находим случай не класть поноски на землю; затем мы ограничиваем поиск определенной линией. Наконец, мы приучаем нашего младенца обыскивать живые изгороди, где часто любит затаиваться дичь.

Только когда исполнение двадцатого урока будет безукоризненно, мы начнем класть поноску в любую точку на лугу, но тогда уже надо будет делать это часто, чтобы собака не приобрела привычки идти бессознательно с одного края участка до другого, а чтобы знала, что во всякой точке она может встретить желанный предмет.

Все это во сто крат легче, чем полагает большинство дрессировщиков.

Двадцать второй урок

Когда охотнику приходится идти по ветру, то его собака, если она хорошо дрессирована, идет вперед, захватывает ветер и возвращается к нему правильным челноком. Приготовим этот особый вид поиска упражнением, исполнение которого будет просто, если предыдущее было хорошо понято (рис. 6).

Ветер с севера, кладем поноску в точке П 5. Посылаем Фрама из точки С в точку О, где заставляем его лечь. Из точки О посылаем в точку П, из точки П в точку П 1... из точки П 4 в точку П 5, где он находит поноску, которую и спешит подать нам в руки.

Двадцать третий урок

Когда наш воспитанник сделает достаточные успехи, мы можем переменить место занятий, но не будем позволять Фраму искать от нас дальше чем на тридцать метров в стороны и на пятнадцать метров вперед; важно, чтобы он оставался у нас в руках, дабы позднее мы имели возможность предупреждать ошибки.

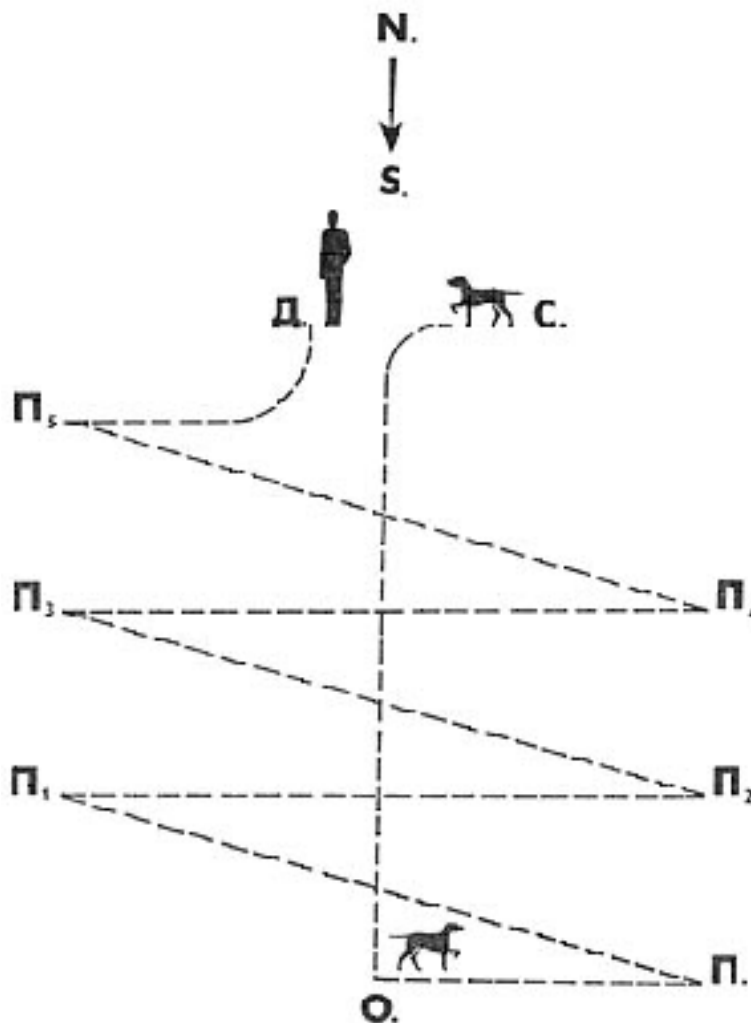

Рис. 6.

Существует известная школа дрессировщиков, представители которой держатся того мнения, что следует провоцировать ошибки, чтобы иметь возможность исправлять их; наше мнение совершенно противоположно: мы думаем, что, избегая случаев, когда наш младенец мог бы поступить дурно, мы достигнем того, что привычка поступать хорошо станет у него инстинктивной.

Так трудно наказать вовремя и в то же время заставить уважать наказывающую руку.

Когда для поиска нашей собаки мы выберем места, заросшие высокой травой, поля свекловицы и т. п., мы будем требовать хода относительно медленного, часто заставлять собаку ложиться, привяжем в случае необходимости к ошейнику чоккорду длиной двадцать метров и будем умерять ширину челнока. Приказания «не смей» и «вперед» часто будут у нас на устах.

Это лучшая подготовка поиска для работы в лесу.

Дрессировка по дичи будет происходить на том лугу, какой у нас есть. Если есть возможность, достанем дичь из рассадника. Такого случая не представится большинству любителей. Рассмотрим же работу нашего младенца вне дома, когда открытие охоты предоставит нам доступ в поле.

Мы предполагаем, что наша собака обнаружила требуемые способности, т. е. она чувствует присутствие дичи и показывает это стойкою. Если это еще не имело места, то остается только водить гулять воспитанника в поле, пока его ноздри не содрогнутся от запаха дичи. Мы знали собак, не признававших дичи до полуторагодового возраста, но они до годовалого возраста жили в питомнике. Если наш щенок чистокровен и если мы часто гуляем с ним, начиная с четырехмесячного возраста, и заставляем его ложиться при взлете голубей, можно держать крупное пари, что он обнаружит свои способности в день первого своего выступления.

Стойки собак бывают совершенно различны: одни остаются неподвижными, как бы в каталепсии при малейшей эманации, даже лишаются употребления своих умственных и физических способностей; им говорят – они не слышат, хотят заставить их идти – они остаются на месте, как бы застыв в трупном окоченении; другие, напротив, бросаются при малейшем движении и только о том и думают, чтобы унести вперед и схватить дичь. Между этими двумя крайностями располагаются все другие подружейные собаки.

Не следует думать, что собаки, проявившие наиболее твердые стойки при первом выступлении, должны быть лучшими впоследствии; такие собаки вообще столь нервны, что неспособны отдавать себе отчет в силе ощущаемой ими эманации: они столь же твердо стоят над местом сидки дичи, как и над самою дичью; такие собаки предрасположены к ложным стойкам; чутье у них может быть дальним, но никогда не будет верным.

Собак, которых приходится учить стойке, заставляя ложиться всякий раз, когда покажется, что они действительно причуяли дичь, часто нельзя быстро поставить, ибо, если некоторые из них становятся хорошими работниками, обнаруживая, в конце концов, способность к стойке, то только потому, что она у них была, хотя и в скрытом виде. Как и в других вопросах, здесь истина лежит на середине между крайностями, и собаки, отстающие по своим качествам на равных расстояниях от двух вышеописанных типов, являются наилучшими. Это такие собаки, стойки которых соответствуют силе эманации; они обладают самым богатым чутьем, ибо оно складывается одновременно из дальности и верности.

ГЛАВА V В ПОЛЕ, БЕЗ РУЖЬЯ

Мы утверждаем, т. к. мы испытали это на охоте с собаками исключительно упрямыми по природе, с собаками, как их называют некоторые охотники, очень грубыми, мы утверждаем, что Фрам, обладающий природными качествами, переданными ему его предками, со дня его первого выхода в поле, будет для нас полезным и приятным помощником, если мы его воспитали по тому методу твердости и ласки, который описан в предыдущих главах.

Многие заботящиеся только о натаске в поле, не испытывавшие никогда нашего метода и не видевшие результатов его применения на деле, отнесутся, конечно, критически к нашему утверждению, но мы не будем опровергать возражений, которые нам сделают, этот труд – не полемическая статья, он не говорит: «Вне меня нет спасения», он лишь предлагает известный метод, чтобы довести до максимума развитие хороших качеств подружейной собаки.

Те из последователей св. Губерта, кого удовлетворяет уже собака только приличная, или имеющие дело с собачкой от природы податливой и мягкой, могут с сегодняшнего дня охотиться с своим компаньоном, и мы предрекаем, что они получают удовольствие.

Но тот, кто хочет достичь совершенства, пусть при первых двадцати или тридцати выходах в поле своего воспитанника оставляет ружье дома.

Накануне первых выходов для работы по дичи, собака всегда должна быть хоть несколько работана, ибо продолжительный отдых делает собаку излишне горячей, непослушной и излишне зажившей и ее нелегко будет привести в повиновение, столь необходимое при первых охотах.

Мы будем выводить Фрама часто, но не более, как на три часа ежедневно, чтобы избежать утомления; будем выбирать хорошую погоду и время, когда роса уже пообсохла.

Если мы будем заставлять нашего младенца идти на сворке у ягдташа, то это будет для него не отдыхом, а наказанием; лучше уж отослать его домой или на ближайшую ферму.

В дни, когда мы работаем с Фрамом по дичи, мы даем ему на лугу двадцать первый урок, заменяя поноску битую куропаткою, над которой Фрам и должен делать стойку, но мы не позволяем щенку прикасаться к дичи.

Недостаток природной стойки мы всегда побеждаем искусственной лежащей стойкой.

Двадцать четвертый урок

Привязываем к ошейнику Фрама веревку (так называемую бельевую) длиною двадцать метров и ведем его в кусты, где, как мы уверены, мы найдем дичь.

Пускаем щенка в поиск против ветра... Вдруг он замирает на стойке, на которой мы и продержим его несколько времени; мы не говорим «возможно дальше», ибо терпение это такая вещь, с которой не следует шутить; если бы с нами шел мальчуган, который мог бы согнать дичь, – было бы отлично, но так как большею частью мы работаем одни, то мы поднимаем дичь криком, брошенным камнем или стуком палки, ударяя последнюю по земле.

Если Фрам попытается броситься, сильный толчок чоккорды удержит его на месте; если он не тронется, но и не ляжет, торжественное «лечь» напомнит ему уроки, полученные на голубях; если же он ляжет, то, поласкав его предварительно, наградим его вполне заслуженною подачкою. Следует продержать его распростертым еще минуты две, а самим подвинуться вперед и посмотреть, все ли куропатки снялись.

«Фрам, вперед». Позволяем собаке идти шаг за шагом, лечь и тихо наслаждаться, вдыхая великолепный запах, поднимающийся от земли, еще не остывшей после взлета дичи. Награждаем нашего компаньона и отводим его прочь, не позволяя ему торжествовать и с фырканием носиться как сумасшедшему.

Мы идем в виднеющийся вдаль кустарник, где и заставляем снова собаку работать правильным челноком, поступая по предыдущему, когда Фрам сделает стойку.

Часто случается, что не удастся поднять бегущих куропаток; в этом случае мы, не упуская из глаз чок-корды, произносим «вперед» и позволяем щенку медленно подвигаться вперед, и если, достигнув места, где сидела птица, Фрам, что часто случается, опустит нос к земле, надо ему в этом помешать и заставить его продолжать осторожно подвигаться в направлении, куда его влечет его чутье, пока новая твердая стойка позволит думать, что дичь тут. Если окажется, что куропатки опять убежали, снова начинаем подвигаться до твердой стойки, а при взлете укладываем собаку. Большинство собак от природы имеют мертвую стойку. Отыскивание самой дичи, а не следов ее – вот в чем должна заключаться работа подружейной собаки.

Поэтому, если наш младенец замрет на стойке перед курятником, мы подведем его к нему, чтобы он убедился, что там ничего нет, и уведем его прочь, произнося «брось» тоном, не позволяющим ему думать, что мы восхищены его открытием. Если почему-либо птица порвется вблизи, не будучи отмечена стойкой, мы заставляем собаку лечь, затем ведем ее к месту, где была затаившаяся птица, и снова укладываем, говоря с нею недовольным тоном. Важно, чтобы наш младенец дошел до той осторожности, которая заставит его, при малейшей причуенной эманации, остановиться, одуматься и дать себе отчет о

местонахождении дичи; нам случалось сдавать собак столь осторожных, что среди зимы они делали еще стойки вполветра над выводками прежде, чем те, хоть и были очень строги, догадывались о присутствии врага.

Мало-помалу, стараясь удержать нашего младенца в строгих рамках послушания, мы начинаем позволять ему брать ход наиболее для него естественный, однако мы должны регулировать быстроту этого хода в соответствии с угодьями. В зарослях и местах, богатых дичью, придется часто возвращаться к задержанному ходу.

Примем за правило ставить границей поиска нашего младенца естественные границы поля, где мы заставляем его работать. Таким образом мы сокращаем поиск, идя по полю в направлении его длины, и делаем поиск более широким, проходя поле посередине, перпендикулярно его направлению, если ветер допускает этот маневр.

Из описания следующего урока мы узнаем способ сдерживать Фрама, если он начнет увлекаться, что маловероятно после тех многочисленных уроков, что мы ему дали.

Вначале будем всегда стараться по возможности выбирать дичь, ибо первые уроки запечатлеваются неизгладимо. Так большая часть собак, натасканных исключительно по перепелам, получает привычку к стойке накоротке; натасканные по коростелям привыкают искать низом и только и думают о том, как бы сорвать со стойки.

Двадцать пятый урок

Мы считаем должным укладывать собаку на стойке по зайцу, чем создается начало прекрасной привычки собак, действительно хорошо поставленных, ложиться при виде зайца. Когда Фрам заметит зайца близко ли, далеко ли, мы свистим настолько сильно, чтобы он нас слышал, и требуем, чтобы он тотчас же и без колебаний лег. Но, увы, может случиться, что наш младенец, недостаточно выдрессированный, скроется от нас в погоне за возбужденной дичью, за которой инстинкт его заставит броситься. Погоня эта будет иметь свой естественный конец, и тогда мы сможем наложить свою руку на чоккорду; отведем же нашего проказника точно на то место, где бы он был, когда увидел взбудившегося зайца, повторим ему «лечь» недовольным тоном и оставим его лежать двадцать минут, чтобы он одумался; сами мы сядем в тридцати метрах сзади него и целых три минуты будем кричать «лечь» или издавать пронзительные свистки. Если мы курим, то здесь мы будем иметь прекрасный случай покурить, какого в другой раз может не представиться.

По прошествии двадцати минут, мы идем к собаке, берем ее на сворку и ведем домой. Это для нее большое наказание. Если этот проступок единичный или повторяющийся очень редко, то описанного наказания будет достаточно, чтобы привести грешника к покаянию.

Если, напротив, мы имеем дело с натурой очень неподатливой, которую мы не смогли сделать более мягкой (что почти всегда бывает по нашей вине), мы кладем железный кол и колотушку в нашу сумку, привязываем к концу чоккорды, длиною тридцать метров, крестом две палки, около двадцати сантиметров каждая, и пускаем собаку в поиск. Представим себе случай самый неблагоприятный: щенок срывает со стойки и уносится сзади дичи, он не сделает и пятисот метров, как приспособление, волочащееся за ним, зацепится какою-нибудь своей частью и отдаст нам в руки нашего изверга. Тогда мы отведем его на место, где начались его прегрешения, крепко привяжем его цепью, которую он не может ни разорвать, ни разгрызть, и сердитым тоном прикажем лечь, что может только поспособствовать спасительному размышлению. Сами мы отходим, и если нам удастся самим поднять дичь под носом у собаки, то это будет для нее прекрасным уроком.

Полчаса такого сурового ареста и затем возвращение домой не позволят больше щенку видеть гоньбу за дичью в розовом свете.

В следующий раз мы не дадим нашему младенцу настолько удалиться от нас, чтобы конец чоккорды уже не был более в нашей власти, и предупредим всякое увлечение чувствительным одергиванием.

Но мы не перестанем повторять, что этого никогда бы не случилось с собакой, выдрессированной дома по нашей методе.

Мы еще не говорили о палке, ибо очень трудно наказать ею вовремя и достичь всех

благ, ожидаемых от нее.

В начале нашей деятельности мы как-то вывели в поле молодого пойнтера, на которого мы с полным основанием возлагали большие надежды; по свистку он ложился на любом расстоянии и, хотя имел исключительно страстный поиск, уже в восьмимесячном возрасте был полезным компаньоном. Однажды, увлеченный дурным примером собаки, преследовавшей раненого зайца, он пошел следом за ней и, на несчастье, помог той завладеть зайцем, которого они и поделили побратски, съев без остатка.

Мы взяли Бана-Бака на сворку, отвели его на то место, где он был, когда увидел зайца, и задали ему предписанную советом одного ветерана потасовку. Результат был очень простой, час спустя Бана-Бак опять погнался за зайцем и, прогнав с километр, потерял его, но весь день мы не могли наложить свою руку на собаку, она носилась в двухстах метрах перед нами, помня о побоях. На другой день мы снова прибегли к помощи чоккорды, и животное возвратилось к исполнению своего долга.

Но надо сказать, что по дрессировке Бана-Бака было много ниже Фрама.

Бывают собаки, которые после наказания за увлечение задаются вопросом, за что их побили, и соединяют в своем уме мысль о дичи с мыслью о наказании, поэтому, чуя дичь вправо от себя, они уходят влево. Немецкие охотники называют таких собак «блинкер»; их исправление часто требует много времени.

Бессилие сторонников побоев заключается в невозможности действовать на расстоянии и в том, что им приходится бить собаку, когда она, возвращаясь к ним, приносит, так сказать, повинную.

Два священных правила должны управлять искусством наказания:

– наказание не должно влечь за собою досады со стороны наказанной собаки на хозяина, следовательно, лучше всего заставлять наказывать помощника.

– наказание имеет тем большую силу действия, чем скорее оно будет следовать за проступком.

Последним объясняется обычай некоторых охотников стрелять по молодой собаке, сорвавшей со стойки, погнавшей зайца или бросившейся в направлении слышного издала выстрела.

Наказание, исключительное по своей суровости, следующее тотчас за проступком и происходящее как бы с неба, производит иногда великолепное действие. Один из наших друзей, обладатель ирландского сеттера, которого, благодаря его горячности, было очень трудно удержать в руках, охотился однажды вместе со своим сыном, делавшим первые шаги на охотничьем поприще, недалеко от нас, в полосе люцерны. Из-под собаки выскочил заяц, – та тотчас погналась за ним, несмотря на окрики «лечь», испускаемые нашим другом, удержавшимся от выстрела, но палец слишком горячего молодого человека, видевшего на мушке своего первого зайца, нажал на спуск, и Бокс в сорока шагах получил себе в ягодицы большую часть снаряда дроби № 7, от которого ему пришлось плохо, тогда как зайцу он не причинил никакого вреда.

Через девять дней Бокс возвратился к работе, но он готов был скорее провалиться сквозь землю, чем погнать зайца. Случай оказался счастливым, однако мы не можем рекомендовать такого способа, делающего мало чести человеку, охотящемуся для своего удовольствия. Конечно, найдется меньше собак, выдрессированных этим способом, чем изуродованных и получивших отвращение к охоте.

Только поступки, ставшие для собаки инстинктивными, благодаря ее воспитанию, начатому с раннего возраста и проведенному без послаблений, делают ее действительно хорошою.

Мы можем извлечь пользу из случаев с Бана-Баком и Боксом, мы будем знать, что надо, насколько воз-можно, изолировать себя от охотников, обладающих слишком быстрыми пальцами, и от их собачек, подающих дурные примеры.

ГЛАВА VI

В ПОЛЕ, С РУЖЬЕМ

Когда можно начинать брать с собою ружье? Совершенно определенный ответ таков: когда собака будет настолько выдрессирована, что совершаемые ею ошибки будут исключительно результатом ее неопытности. Выстрел, от которого падает дичь в нескольких шагах от собаки, представляет большой соблазн для грешника, чем работа, описанная в предыдущем уроке. Ясно, что мы, переходя в дрессировке от более легкого к более трудному, не выведем на охоту младенца, еще плохо поставленного, который может броситься на подбитую дичь, присвоив себе честь и удовольствие завладеть ею и проявить невежливость к бегущим куропаткам или вскочившему зайцу.

Но не у всех вкусы одинаковы, и если некоторые охотники приходят в восторг, видя собаку безукоризненно поставленную их собственным старанием не потому только, что это дает им возможность все повыколотить, то другие спешат превратить своего ученика в помощника и, продолжая еще его обучение, уже думают о пополнении ягдташа. Таким из наших собратьев мы позволяем взять ружье, но предупреждаем, что они должны будут пользоваться им с большою осторожностью, если желают достичь наивысших результатов.

Двадцать шестой урок

Ружье не новость для Фрама: он его уже видел, слышал, ложится при выстреле из него и даже при вскидке. Кладем в ягдташ маленькую коробочку из луженого железа с несколькими кусочками мяса, не забываем железный колышек и колотушку, а также и чоккорду, привязывая ее к ошейнику при выходе на работу. Работу мы начинаем с предыдущего урока и поднимаем добычу, битую из-под стойки нашего умницы компаньона.

Очень часто при первых выходах наш младенец ведет себя отлично и ложится при взлете куропаток: он слышит выстрел, но еще не соединяет в своем уме мысль о его звуке с мыслью о падении дичи. Соблазн ко греху появится, когда Фрам отдаст себе ясный отчет в том, что тотчас после выстрела из ружья перед ним падает добыча, к которой его влечет инстинкт плотоядного животного.

Какое несчастье, если собака сорвала со стойки! Какое бедствие, если мы не удержались от выстрела! Какая катастрофа, если мы убили или ранили дичь, но она осталась в зубах у собаки!

Способ наказания в двух первых случаях один и тот же: отводим собаку с неласковыми словами на место преступления, где и заставляем ее лежать четверть часа, затем, закинув ружье за спину, идем в кусты, где держатся куропатки, давать двадцать пятый урок.

Когда наш младенец, возвратясь к сознанию своего долга, замрет в картинной стойке, мы будем подвигаться к нему, ступая по лежащей на земле чоккорде (если бы с нами был мальчуган, то он бы держал ее), мы поднимаем дичь сами и при ее взлете бросаем взгляд на Фрама: если он не лег, мы не стреляем; если же лег, мы бьем птицу и, подняв ее, кладем в ягдташ так, чтобы собака это видела, а оттуда вынимаем сочный кусок конины – достойную награду исправившемуся грешнику.

Когда собака хватается дичь, рвет ее и даже съедает, она только отдается своим природным инстинктам. Заставить ее понять, что она не права, поступая так, столь же трудно, как и убедить ее, что хлеб намочен в ее супе не для того, чтобы она его ела, а огонь в кухне разведен не для того, чтобы она могла перед ним греться.

Если Фрам сорвал со стойки, мы не будем стрелять, но если мы, поторопившись, уже выстрелили, а дичь оказалась в зубах у нашего ученика, мы не махнем рукой, говоря: «Все равно», заботясь лишь о нашей кладовой, а возьмем собаку одной рукой за ошейник и сделаем вид, что хотим ее побить схваченной добычей, которую мы держим в другой руке. Вот случай, если мы никогда не выступали в качестве политического деятеля, высказать голосом трибуна все те любезности, что слышатся при избирательной полемике; притащим преступника на место преступления и вынем из ягдташа инструменты, употребление которых нам хорошо известно; мы помещаем в четырех метрах перед собакой, уложенной и привязанной, задавленную птицу, укрепив ее на палке, и отправляемся охотиться дальше, не

забыв дать несколько повелительных свистков. Вот случай, который никогда больше не представится, пострелять жаворонков на жаркое так, чтобы наш младенец этого не видел. Каждый выстрел, который он услышит, будет ему темой для размышления. Время от времени мы возвращаемся, берем в руки задвленную птицу и делаем вид, что хотим ею бить Фрама, повторяя «лечь». Если это время завтрака, мы завтракаем невдалеке от собаки. Затем возвращаемся, берем собаку на сворку, идем и бьем несколько куропаток, не давая Фраму работать по ним, но требуя, чтобы он ложился при их взлете. Когда, несколько времени спустя, мы заставим его работать, он задумается сорвать со стойки. Впрочем, лекарство у нас под руками. Лекарство это также превосходно, когда собака, слишком отдалившись, отказывается лечь по свистку, одним словом – увлекается. Такие случаи часто бывают у собак, которые начали поздно работать, у наших же учеников встречаются редко.

Чтобы сделать что-либо совершенно ясным, мы повторяем объяснение несколько раз; так и здесь мы еще раз рекомендуем уединение, ибо где мы не стали бы стрелять из-под нашего младенца, раз он плохо себя вел, там приятель наш выстрелит.

Разумеется, Фрам не должен становиться по жаворонкам, воронам, сорокам и т. д.; слово «брось» будет служить нам во всех этих обстоятельствах, но лучшее средство показать собаке, что она должна отыскивать и на что не обращать внимания, это то невнимание, с которым мы будем относиться ко всему, что не является дичью.

Охотник, стреляющий влёт жаворонков, не должен удивляться, если его компаньон делает по ним стойки: он только исполняет свой долг.

Собака с успехом обыскивает кусты и живые изгороди, встречающиеся в полях. Если Фрам сделает стойку перед кустом, мы осторожно обойдем последний и, взяв камень, бросим его кверху так, чтобы он упал вертикально на сучья; почти всегда дичь, зная о присутствии собаки, появится с нашей стороны. Повторяя этот маневр, мы достигнем того, что наш помощник, поняв нашу уловку, будет бросать при нашем приближении стойку и обходить кусты, чтобы заставить зайца или кролика выскочить в нашу сторону. Это упражнение впоследствии сослужит нам в лесу большую службу.

Мы считаем нелишним повторить, что осторожность собаки значительно развивается, если ее от нее требуют.

Во время этих первых охот мы неумолимы, когда дичь снимается без стойки. Мы не стреляем, отводим Фрама на то место, где он был, когда причуял дичь, и наказываем его приказанием «лечь» и всем, что при этом полагается. Постараемся внушить собаке ту мысль, что мы будем удовлетворены только если будем стрелять, а что стрелять мы иначе не можем, как из-под ее стойки.

Мало-помалу мы увеличиваем продолжительность работы собаки, но в первый сезон мы за максимум принимаем четыре часа. Уставшая собака работает хуже, и усталость – плохой помощник при дрессировке.

В первый год мы не будем вне дома заставлять наших собак подавать – это непереносимое условие; на второй год мы можем приказывать подать несколько птиц собакам спокойным и послушным; и только на третий сезон наши собаки будут подавать нам дичь, которую мы им укажем, но тогда мы не удовлетворимся тем, чтобы увидеть, как по приказанию «подай» наш компаньон бросится к дичи и принесет ее нам в руки; позаботимся о том, чтобы внушить ему вежливость по отношению к битой дичи, а она является только как результат некоторой опаски.

Поднимаем птицу, битую мертво, кладем ее перед лежащей собакой и произносим слово «подай»; та охотно берет ее и приносит нам в обмен на подачку, в которой мы ей и не отказываем. Снова кладут птицу на место, где она упала, и снова говорим «подай». Никогда не случалось, чтобы собака заставила себя просить, если мы ей давали дома уроки подачи остывшей дичи. Скорее может проявиться излишняя стремительность, с которой собака бросится схватить убитую жертву, но свисток, приказывающий Фраму лечь, успокоит его нервы и заставит подать правильно. Будем же рассудительны и примем в соображение, что, если английский спортсмен пользуется услугами ретривера, то он делает это не для того,

чтобы получить удовольствие от крупного расхода на покупку лишней собаки, а лишь для облегчения дрессировки своих пойнтеров и сеттеров.

Один из наших друзей купил в прошлом году великолепного немецкого брака у лучшего дрессировщика с той стороны Рейна.

Мы никогда не видели континентальных собак, обладающих в такой степени достоинствами, привитыми столь обдуманной дрессировкой.

Только подача у этой собаки была несколько робкая, и она заставляла просить себя подняться после выстрела и взять битую птицу. Но мало-помалу это колебание исчезло, и, так как наш друг, великолепный стрелок, заставлял подавать всех птиц без разбору, Больдо вскоре соединил в своем уме мысль о выстреле с мыслью о подаче, и теперь при каждом выстреле, едва исполнив приказание «лечь», он без посылы бросается на то, что падает, и даже на то, что не падает. Собака «подает в излишестве».

Мы требуем, чтобы собака легла немедленно, и даже, если это необходимо, лежала продолжительное время, мы всегда успеем послать собаку за сбитой птицей, приказав ей «подай».

В поле, в кустарнике, в лесу и даже в болоте раненая дичь, если ее не преследуют, уходит не так далеко, как если за ней гонятся, и собака, которая ищет не торопясь, найдет ее легче, чем безрассудно бросающаяся и больше полагающаяся на свои глаза и ноги, чем на чутье.

Со второго года охоты Фрам, если у него было много практики, будет отлично уметь различать следы раненой и не раненой дичи; эманации различны. Тогда можно ему дать в нашем саду урок, рекомендуемый при дрессировке ретривера: мертвым кроликом мы делаем потаск, по которому и посылаем собаку; та идет и приносит нам дичь; мы будем более и более увеличивать длину потаска и скоро достигнем поразительных результатов.

У нас есть пойнтер, работающий исключительно верхом, но когда мы посылаем его за подранком, он идет, уткнув нос в землю, и чаще всего приносит его.

С известной стороны, мы находим очень правильными и следующие слова: «Подача – это наш друг, но друг, который из-за пустяков становится врагом».

Подача так увлекательна для молодых собак, что часто происходит следующее: щенок на стойке, мы стреляем в воздух, щенок тотчас бросается, думая подать дичь, по которой он стоял и по которой, по его мнению, мы должны были стрелять, – это отвратительно, но мы знаем наказание за такую ошибку, которую мы должны если и не вызвать, то которой мы должны дать возможность обнаружиться, стреляя в то время, когда Фрам на стойке, и требуя, чтобы он при этом ложился.

В продолжение всего этого периода мы довольствовались работой по очень смирной дичи, чаще всего легко нас подпускавшей. Теперь, когда естественные убежища дичи исчезли, посмотрим, как надо действовать в поле, когда куропатки уже отлично летают и зайцы нас не ждуг.

ГЛАВА VII ОСЕНЬЮ

Мы обращаемся главным образом к охотникам, в угодах которых – лишь голые поля, где ни один ров, ни один кустик не дают приюта дичи, ставшей очень строгой, благодаря стрельбе, начавшейся со дня открытия охоты.

Без облавы можно охотиться только двумя способами: или держать собаку у ноги и пользоваться ею как ретривером, посылая за подраненным зайцем, – единственной отрадой дня охоты, или пускать собаку как следует, в поиск и обходить с ней угоды так, чтобы дать ей возможность найти среди – многих пройденных гектаров замечтавшегося зайца или рассеянный и уставший от нескольких рядовых перелетов выводок. Этот второй способ, наименее практикуемый, наиболее продуктивен и достоин настоящего любителя. Он подробно описан в первой главе.

Мы познакомились с тех пор с достаточным числом наших помощников на охоте, чтобы иметь возможность судить, насколько они способны успешно работать продолжительное время.

Если, несмотря на всю предусмотрительность в выборе щенка, наша собака оказалась лишь заурядных качеств, вполне достаточных в зарослях или в лесу, но неспособной сделать мертвую стойку против ветра в шестидесяти метрах по притаившемуся на земле выводку, мы не будем делать ее поиск более широким и, если у нас нет другого уголья, чтобы использовать этого ученика после пятнадцатого октября, уступим его любителю, более чем мы избалованному подачею дичи. При той дрессированности, какою обладает Фрам, его достоинства уже и так почтенны, и многие охотники никогда не узнают лучшего.

Двадцать седьмой урок

Так как Фрам унаследовал чутье и ноги от своих предков, поведем его в поле и, послав его в поиск, будем подвигаться вперед против ветра.

Мы стараемся все время идти перпендикулярно направлению полос так, что наша собака, работая перед нами челноком по длине их, работает в наиболее легких условиях; она проходит более удобно по пахоте и не должна все время перескакивать через межи, ограничивающие полосы; эти межи и мелкие кустарники должны быть возможно лучше обысканы.

Мы с успехом будем допускать широкий поиск и пользоваться моментом, когда собака наиболее от нас удалится, чтобы заставить ее лечь по свистку или по выстрелу совершенно так же, как если бы щенок был в сорока шагах от нас. Это укладывание на расстоянии – единственное средство ограничить ширину челнока, когда мы решили распространить поиск собаки направо и налево за естественные границы поля.

Мы знаем, что нужно делать всякий раз, как дичь подымается, не будучи отмечена стойкой; не будем же упускать этого из виду, и позднее благие результаты себя покажут.

Нам неизвестно, что для удачного выстрела следует брать много вперед, но это уже касается нашего обучения, а не обучения щенка.

Когда у щенка твердо поставлен широкий и правильный поиск, настал момент уложить его в какой-нибудь точке, а самим уйти на двести или триста метров от него и заставить его искать против ветра, возвращаясь к нам. Этот маневр – последнее слово охотничьего искусства, и птица, убитая при таких условиях, доставит больше удовольствия, чем гекатомба в курятнике. Позднее мы пошлем его, как Квин, самого захватить ветер.

ГЛАВА VIII В ЛЕСУ, НА ОБЛАВЕ, НА БОЛОТЕ

На старых английских гравюрах, представляющих охоты в лесу, мы видим всех спортсменов, стреляющих козлов, зайцев или бекасов, перед маленькими спаниэлями, галопирующими вокруг них.

Эти собаки стали известными и пошли в употребление во Франции лишь недавно, но их здесь так оценили, что многие любители покупают этих прелестных животных, оказывающих большие услуги и в болоте.

Мы не хотим выходить из наших рамок и говорить о коккерах, клумберах и суссекс-спаниэлях; писатели, более нас авторитетные, уже прекрасно это выполнили.

Мы сделали это отступление, чтобы сказать, что мы присоединяемся к мнению тех, кто в лесу предпочитает маленьких спаниэлей английским подружейным собакам с их от природы широким поиском.

Эту главу было бы, быть может, правильнее озаглавить «Искусство пользоваться своею подружейною собакою в лесу».

Двадцать восьмой урок

Если мы хотим обеспечить себе по возможности успех – мы не поведем Фрама в лес прежде, чем у него будет окончательно выработана твердая стойка и спокойствие при взлете

дичи. Мы можем пустить его в поиск, когда нам нечего будет бояться, что щенок сделает какой-нибудь проступок, ибо в лесу он в большинстве случаев ускользает от нашего верховного руководства, а если несколько грешков останутся незамеченными и не будут подавлены, общая дисциплина пострадает. Один проступок повлечет за собою целый ряд других; за правильной стойкой последует недопустимая гоньба, во время которой щенок, влетев в средину поднимающегося вокруг него выводка, вволю им натешится; быть может, даже схватит кролика в норе, на котором и попробует свои зубы, затем войдет во вкус и ему покажется более веселым и более выгодным гоняться за кроликами, чем подчиняться требованиям хозяина.

Если Фрам не будет оставаться неподвижным при подъеме дичи, наш горячий приятель, о котором мы уже говорили, может послать ему нечаянно заряд, который в редком случае будет иметь для него те же последствия, что имел некогда для Бокса. В поле стреляют на сорок метров, а в лесу обычно на пятнадцать шагов – не больше. Итак, мы решительно не советуем вести в лес собаку, недостаточно выдрессированную, особенно если она по природе смела.

Для собаки, хорошо поставленной в поле, дрессировка в лесу будет состоять, собственно, в сокращении поиска, который все же должен оставаться энергичным и правильным челноком.

Чем больше дичи в нашем лесу, тем скорее мы достигнем результатов. В ружье нет никакой надобности.

Привяжем к ошейнику Фрама чоккорду и пойдем в ту часть леса, где больше имеем шансов найти дичь; пойдем, как всегда, против ветра и заставим нашего младенца искать в ограниченном районе, не пренебрегая средствами для сокращения широты его поиска: свистком, приказанием «вперед» и чоккордою, на которую мы по временам наступаем.

Не будем удивляться, если наша собака несколько обескуражена и не ведет себя в первый раз вполне безукоризненно: дичь для нее новая, позволяет делать над ней стойку совсем вплотную, вылетает из-под самых ног, ветер больше не доносит, как в поле, отдаленных эманаций. Нет недостатка в обстоятельствах, нарушающих душевное равновесие нашего компаньона; будем же тем более хладнокровны и порадуемся, что оставили ружье дома, ибо, быть может, мы не устояли бы перед соблазном выпустить заряд в случае, если бы даже Фрам был не совсем корректен.

Если нам представится возможность раза два или три свести нашего щенка на облаву и продержат его там лежащим на номере наиболее снисходительного стрелка, он быстро приобретет привычку видеть дичь и слышать стрельбу, не обнаруживая волнения, но не будем допускать ни одного движения.

Когда мы достигнем достаточного благоразумия у нашего ученика, мы возьмем ружье, но будем действовать столь же осмотрительно, как и в поле, строго придерживаясь принципов, применявшихся при стойке и при подаче в кустах.

Будем больше придерживаться границ и тропинок и заставим собаку искать направо и налево от нас; здесь мы можем найти бекасов. Если эта дичь, единственный объект наших поисков, строга, допустим более широкий поиск, но не будем позволять, чтобы собака сделала стойку в таком месте, где бы мы не могли ее найти.

Когда Фраму будет два с половиною года, мы сможем пользоваться им, как ретривером, по окончании загона на облаве, в продолжение же загонов он будет оставаться сзади нас неподвижным.

Если в болоте мы имеем дело только с бекасами, мы можем с успехом заставить там работать нашу собаку, но если мы должны иметь дело с коростелями или другою болотною дичью, то будем избегать водить туда еще неопытного ученика. Собака, совершенно поставленная, и та в этом случае теряет несколько в своих качествах. Пусть возраст два с половиною года будет еще в этом случае самым ранним для начала. После охоты в лесу, как и после болотной охоты, хорошо заставлять собаку работать по куропаткам – действительно: по одной птице она может спокойно делать стойку накоротке, по другой – должна

становиться с большей осторожностью. Строгих куропаток собаке необходимо причувствовать издали и благоразумно держаться от них на благородной дистанции.

До сих пор при команде «лечь» мы требовали от собаки полной распростертости, ибо надо требовать самого большего, чтобы достичь меньшего; теперь мало-помалу мы будем ослаблять нашу требовательность, позволяя лежащей собаке поднимать голову, чтобы легче замечать наши жесты.

На настоящей охоте надо иметь возможность заставлять ее подниматься, не будучи вынужденным приближаться к ней, когда она удалится настолько, что голос не будет ей слышен.

Вопрос об уместности подружейной собаки на облаве является пока еще спорным, однако, в той стадии, в которой он сейчас находится, на него легко ответить так: «На облаве умная собака – радость для ее владельца, собака умная наполовину – горе для всех.

Мы часто видим одного эпаниэля, Милорда, работа которого достигает, в своем роде, совершенства. В поле Милорд ведет себя как безукоризненная собака; в лесу он сует свой нос в каждый клочок травы, в каждую кучу хвороста и доставляет возможность много стрелять на малом пространстве. На охоте на кроликов, или на облаве, он лежит около своего хозяина и никогда не сдвинется с места, не получив на то приказания; часто содроганием и поворотом головы указывая приближение дичи и направление, принятое ею. Собака, как Милорд, удесят�ряет удовольствие охоты.

Глава IX

Работа весной – парная работа

Зимой снега часто мешают работе нашего ученика: охота кончилась. Надо ли оставлять собаку на псарне без работы в течение шести месяцев? Думаем, что нет.

Двадцать девятый урок

Ружье убрано; работа по стаям куропаток тем полезнее, что все наше внимание сосредоточивается на хорошем исполнении этой работы.

Мы прикладываем, в последний раз, руку к дрессировке собаки, изменяя природный характер ее поиска, держась угодий, где прикрытия уже появились. Мало-помалу, наш младенец начинает сам изменять свой поиск, в соответствии с местностью и дичью, и тогда мы вполне вознаграждены за наши труды.

(Многие любители имеют счастливую возможность стрелять весной).

Кролик и вальдшнеп доставляют в лесу случай для энергичного, но сокращенного и осторожного поиска.

Бекас в полузатопленных полях служит объектом поиска, в которых члены славных собачек могут славно размяться.

Это одна из великолепных охот – охота на строгую дичь с породистой собакой, обыскивающей огромное пространство и ожидающей своего хозяина, который применяет еще раз на практике маневр с обходом дичи, ибо бекаса разыскивают против ветра, а стреляют в полветра.

Когда мы использовали все средства, чтобы показать дичь нашим собачкам, мы возвращаемся к поноске и нашему учебному лугу.

Горячность наших компаньонов, конечно, не очень велика, ибо после чудной работы в поле эти маленькие упражнения для них безвкусны, но это все же дрессировка, а упражнять собак в послушании никогда не лишнее.

Тридцатый урок

Мы испытали работу Фрама, охотясь с ним одним, но нам хочется заставить его работать совместно с его однопометником Акселем, важно, чтобы они оба действовали таким образом, чтобы их взаимное соревнование послужило нашей выгоде, а не было бы отдыхом для глаз.

Пускать вместе работать пару собак можно только тогда, когда каждая из них в

отдельности отлично поставлена и застрахована от возможности поддаваться греховному соблазну, вот почему целого сезона не будет много для подготовки двух щенков отдельно перед их совместной работой.

Скажем заранее, что достигнуть безукоризненной дрессировки пары очень трудно, равно как и поддержать ее на той высоте, как на английских филдтрайлах, где, хотя и существуют специальные призы для парной работы, число выводимых пар очень ограничено и на эти испытания смотрят, как на гвоздь программы.

С другой стороны, охотнику, бродящему по полям в течение восьми часов, всегда выгоднее заставить каждую собаку работать в отдельности по четыре часа, в течение которых каждое животное пройдет средним аллюром более пятнадцати километров.

Но важно, чтобы Фрам вел себя корректно и явился бы предметом нашей гордости, когда мы с ним будем охотиться в обществе наших друзей с их собаками.

Очень важно также, если мы готовим Фрама на филдтрайлы, чтобы он постиг все требования секундировки и не позволял себе увлекаться завистью или дурными примерами. Вот почему в течение этой весны мы будем работать Фрама вместе с Акселем.

Посылаем Фрама направо, а Акселя налево. Обе собаки работают перед нами челноком. На расстоянии трудно управлять обоими сразу, поэтому, если поиск станет не таким, каким он должен быть, мы свистком или жестом укладываем обеих собак; затем, подождав их другим жестом, мы снова пускаем их в правильно перекрещивающийся поиск. В первое время случается, что собаки имеют поползновение искать бок о бок одна с другою, желая работать в компании; надо всеми силами препятствовать этому, но для этого мы не знаем другого средства, как остановить их и снова послать каждую в ее сторону, через несколько времени они поймут, чего от них хотят.

Но вот Аксель на стойке. Если Фрам последует природному влечению, то он в несколько скачков приблизится к своему товарищу и станет с ним рядом; мы достаточно знаем Акселя, чтобы быть уверенными, что это обстоятельство не побудит его сорвать со стойки; мы научили нашего воспитанника не быть жадным, стоически удерживая его лежащим, когда какая-нибудь шавка, заметив его стойку, подбегала, чтобы отбить у него из-под носа дичь, и он оставался безучастным.

В целях охоты одной собаки достаточно, чтобы указать близость дичи; жестом мы заставляем лечь Фрама и идем, чтобы дать Акселю доработать и поднять выводок или зайца.

Поиск снова начинается по тем же правилам. Фрам быстро приобретает привычку становиться по Акселю, когда заметит, что последний сделал стойку.

Стойка Фрама в этом случае и есть так называемая секундировка.

Мы не видим большого неудобства в том, чтобы Фрам, сделав стойку, подвигался в сторону своего товарища, но он должен всегда оставаться немного позади, ибо Аксель нашел дичь и ему одному должна принадлежать честь этого открытия. Впрочем, если наши собаки достигли совершенства, то мы отлично можем управлять движениями Фрама, когда он секундирует Акселю, при помощи жестов.

Если мы требуем от наших собак подачи, то ради упрощения мы можем заставлять подавать всегда одну и ту же собаку, но если мы любим побежать трудности, любим чистое искусство, мы заставим подавать то одну собаку, то другую по нашему желанию. Чтобы достичь этого, мы при подготовке наших собак воспользуемся маленькою уловкою: Фрама приучим идти искать по приказанию «подай» и ложиться по приказанию «ищи»; Акселя же, наоборот, мы приучим ложиться по приказанию «подай» и подавать по приказанию «ищи». Когда мы кричим «ищи» или «подай», одна из собак бросается исполнять наше приказание, тогда как другая ложится и делает это быстро, ибо мы кричим очень внушительно.

Будет ли дело идти о двух собаках или об одной, не будем забывать, что ключ дрессировки заключается в том, чтобы часто заставлять ложиться каждого щенка, даже ни с того ни с сего, с единственной целью внушить ему, что постоянно, даже если он далеко от нас, он находится в нашей власти и не выходит из нее никогда.

Мы не можем закончить эту главу, не сказав о двух собаках, манеры работы которых

прекрасно пополняли одна другую, благодаря секундировке.

Они принадлежали нашему другу Х..., это были Жак, пойнтер, и Польк, помесь брака и пойнтера.

Когда наступивший ноябрь делал охоту в поле истинною наукою, наш друг посылал своих собак искать полным ходом и позволял им удаляться на такое расстояние, на какое они желали.

Но в то время как Жак, работая правильным челноком, уходил все дальше и дальше в поисках за объектом для стойки и порою исчезал в поднимавшемся от земли тумане, Польк развивал свой поиск в районе ста метров и никогда не скрывался из виду. Вдруг Польк замирает на стойке, подняв голову, его хозяин приближается к нему и замечает вдали, в направлении, куда устремлен взгляд собаки, белую точку: это Жак лежит на стойке перед выводком; оставалось только обойти его, чтобы стрелять в подходящих условиях. Польк замечательно выполнял роль жолнера, как она описана в воинском уставе.

Жак и Польк, работающие так хорошо в это время года, не знают себе равных и в день открытия охоты, искрещивая заросли вдоль и поперек.

Мы с особым удовольствием остановились на этих собаках, отдавая им заслуженную честь, ибо вид их работы превратил в сторонников большого поиска больше охотников, чем это когда-либо сделали самые ученые споры. Демонстрация сильнее спора.

ГЛАВА IX О ЗДОРОВЬЕ СОБАКИ

Эта книга была бы не полна, если бы мы не дали здесь нескольких советов, которые помогут поддержать здоровье наших воспитанников в цветущем состоянии – существенное условие для правильного ведения дрессировки. Разобрав здесь несколько случаев болезней, довольно обычных, мы думаем сделать полезное дело, указав лекарства, дававшие наилучшие результаты.

Мы не имеем претензии создавать конкуренцию специальным трудам, касающимся лечения собаки, и резюмировать на нескольких страницах то, что является предметом многочисленных томов, чтение которых мы усердно рекомендуем всем, кто не может пользоваться советами компетентного ветеринара.

Мы хотим в форме беседы рассмотреть главные начала гигиены и дать несколько рецептов, могущих сослужить службу воспитывающим собак.

Здоровье собаки обеспечивается ее сложением, помещением, кормом, чистотою и тренировкою.

Сложение

Щенки являются на свет вообще хорошо сформированными, хотя у некоторых бывают легкие пупочные грыжи; последние почти всегда исчезают сами по себе или же легко поддаются действию вяжущего лекарства, как например, настойка йода; в противном случае необходима маленькая безопасная хирургическая операция: введя кишку внутрь, пропускают накрест две булавки в кожу грыжи и сверху накладывают лигатуру из навощенной нитки; булавки загибают щипцами.

Если мы так настаивали на выборе производителей, то делали это потому, что последние передают своим потомкам болезненные начала; поэтому мы не можем обойти молчанием вопрос о родственном скрещивании.

Читатель, умеющий читать между строк, понял, что мы являемся сторонниками такового, ибо мы советовали ему остановить свой выбор на семействе собак, обладающем установившимися качествами, а закрепленные и передающиеся качества являются только результатами ведения породы собак в самой себе; бесполезно поднимать спор по поводу этой теории, ибо она достаточно доказана на опыте выведения всех известных пород.

В природе, предоставленной самой себе, кровосмешение является почти правилом, и никогда оно не было причиной вырождения. Только там оно происходит между собаками совершенными, живущими в среде, наиболее для них подходящей, и питающимися таким же кормом.

Животные в состоянии одомашнивания бывают подвержены различным заболеваниям, являющимся выражением протеста природы против образа жизни, которому они подчинены; заболевания эти – начало дефектов в сложке, передающихся из рода в род и вызывающих упадок породы, если они не исправляются разумным прилитием, время от времени, посторонней крови. «Это оружие обоюдоострое», – говорят с основанием о кровосмешении.

Будем же вести породу в ней самой, но с разбором и не будем вязать между собою животных, обладающих предрасположением к однородным заболеваниям общего характера.

Мы уже дали понять, что у многих континентальных пород укороченный хвост должен был бы быть правилом; действительно, такой хвост никогда не был помехой, всегда являлся удобством, а часто даже украшением: наши соседи, обрезая половину хвоста своим бракам, придавали последним тот самый отпечаток, который мы видим, благодаря той же причине, у английских гунтеров.

Если природа пожелала этого, то мы не поколеблемся взять на себя эту операцию тотчас после рождения щенят; язык суки будет лучшим заживляющим средством для маленькой ранки, сделанной ножницами.

Еще два обычая пользуются популярностью: подрезывание подъязычного нерва и прививка оспы.

Подъязычный нерв есть не что иное, как маленькая белая складочка слизистой оболочки, находящаяся под языком собаки. Основательно или нет, утверждают, что некоторые болезни порождают отвердение этой складки и тем ставят собаку в невозможность есть. Это мнение кажется нам маловероятным, и если мы о нем упомянули, то лишь для того, чтобы иметь случай сказать, что маленькая белая прядь, предмет операции, просто складка слизистой оболочки, а отнюдь не глист, как некоторые по своему простодушию полагают.

Некоторые авторы советуют прививку щенкам оспы, как предохранительное средство против чумы. Мы не думаем, чтобы эти опыты были произведены по достаточно широкой программе для того, чтобы дать право провозглашать действительность этой прививки. Самый принцип нам кажется правильным, и мы не сомневаемся, что в один прекрасный день ветеринарная наука дойдет по этому пути до благоприятных результатов, но надо будет найти специальную прививку против этой собачьей болезни, достаточно отличной от людской оспы.

Помещение

Жилище собаки должно быть тепло, сухо и доступно для дезинфекции, ибо холод, сырость и паразиты являются главнейшими врагами наших славных слуг.

Наибольшую услугу нам окажет будка с подъемной крышей. Мы заставим часто ее мыть кипятком с креолином. Многие любители, последовав в этом нашему примеру, были свидетелями исчезновения блох, вшей, клещей и кожных заболеваний – бичей большей части псарен.

Инстинкт побуждает собак влезать на их будки, но крыши последних редко представляют подходящие площадки, и доступ на них неудобен. После того как мы приняли разборную модель, рисунок которой мы дали, наши пойнтера часто располагаются на крышах своих жилищ.

Поэтому мы велели дать крыше лишь незначительный уклон, и большею частью она будет покрыта рогожей, оберегающей от мозолей локти и скакательные суставы собак.

Мы уже видели, что оградой из железной проволоки можно огородить небольшой выгул, превосходящий во всех отношениях привязную цепь, но почва этого выгула сделалась

бы нездоровой, пропитавшись жидкими нечистотами, если бы мы не приняли некоторых предосторожностей.

Асфальтовая мостовая, которой дан легкий уклон для стока жидкостей в желоб, лежащий снаружи, представляет собою самое лучшее решение этого вопроса, но не все могут так устроить уголок своего двора или сада. Легче приказать вынуть землю на глубину сорока сантиметров, уложить в образовавшуюся яму сначала крупные камни, затем слой золы и сверху засыпать гравием.

Почва, обработанная таким образом, может быть экономично дезинфицирована поливкой водой с креолином, остающейся от мытья собак.

Во всяком случае, хорошо открывать дверь собачника три раза в день, заставляя на несколько минут выходить его обитателей, которые поспешат испражниться на дворе и приобретут, таким образом, похвальную привычку с уважением относиться к своему жилищу.

Любители, ведущие заводческое дело в крупном масштабе и желающие выстроить для своих животных практичные и комфортабельные жилища, хорошо сделают, если не будут принимать проектов своего архитектора без тщательного обсуждения, иначе они могут впасть в крупные ошибки. Было бы умно, посетив имеющиеся в окрестности питомники, дать себе отчет в преимуществах и недостатках частных расположений, которые они там увидят.

Впрочем, известные авторы с большой компетентностью разбирают этот вопрос в охотничьих руководствах, к которым мы и отсылаем читателя; это будет лучше, чем самим нам братья за изучение этих статей без пользы для большинства наших собратьев.

Корм

Прежде чем говорить о времени кормления и составе корма, мы попытаемся возможно яснее осветить для владельцев собак вопрос о пище для животных. Неправильно подводить под одну рубрику «мясо» мякоть, жир, кости и требуху. От одной части любителей мы слышали, что мясо в небольших дозах очень полезно собакам, ибо оно очень питательно, делает животных в высшей степени выносливыми, предохраняет их от воспаления кишок, содействует укреплению костей и блеску псовины, способствует увеличению количества кровяных шариков, уменьшенному болезнями, и т. д., другая же часть говорит, что для охотничьих собак мясо как корм никуда не годится, ибо способствует ожирению, делает собак более горячими, предрасполагает к экземам, является причиной различных язв, катара и т. д.

И те и другие правы, но мясо употребляется ими неодинаково, вот почему его употребление и дает столь различные результаты.

Сырое мясо является лучшим кормом для собаки: оно было ее естественным кормом с первобытных времен и до времени ее одомашнивания и больше всего отвечает ее плотоядным инстинктам. Дикая собака вынуждена охотиться, чтобы существовать; работа и питание у нее превосходно уравновешены, собака домашняя, наоборот, требует известного режима, смотря по исполняемой ею работе, – иначе здоровье ее пострадает. Ее хозяин, не любящий признавать себя виноватым, сразу готов обвинить свойство пищи, вместо того чтобы понять, что единственным виновником, как и во всем, является ее излишество.

Из того, что сырое мясо особенно питательно, можно заключить, что оно полезно при выращивании щенят и при восстановлении сил собак изнуренных.

Сырое мясо отнюдь не является причиной кожных заболеваний: дикие собаки, кажется, никогда им не подвергаются.

Мы знали одного охотника, сеттера-гордоны которого довольно часто в молодости страдали от зуда и язв; в таких случаях он тотчас же посылал их на кормы к привратнику бойни. Через месяц содержания на мясном корме собаки бывали совершенно здоровы и хорошо одеты. В вандейском квартале все живодеры занимаются выкормкой собак, и очень

успешно, хотя они в пищу дают лишь мясо битых лошадей, но собаки очень лакомы до мяса, поэтому необходимо давать его им в строго ограниченном количестве.

Жир – вот главным образом пища, располагающая к экземе; он является источником всяких заболеваний крови и может даже явиться причиной смерти, если как кормом пользуются исключительно им. Посмотрите на собак, бродящих около кухонь и питающихся только помоями и салом: псовина тускла, они постоянно чешут голову и под мышками, грызут себе зад и хвост, в них нет и признака того цветущего и аппетитного, если можно так выразиться, здоровья, каким обладают животные, пользующиеся хорошим уходом.

Кости составляют бесценную пищу для щенят, ибо им необходимо получать известную дозу фосфорнокислой соли, идущей на образование их скелета, но они очень горячат и быстро приводят к воспалению кишок, если их давать в излишестве.

Подготовкой костей, занимающей видное место у выращиваемых щенят, является их толчение, ибо часто они слишком тверды для того, чтобы маленькие зубы щенят, которым они, однако, очень полезны, могли их разгрызть.

Кишки или желудки, продающиеся на бойнях по цене от пяти до пятнадцати сантимов за килограмм, составляют дешевую, укрепляющую и слегка послабляющую пищу, во всем как бы назначенную противодействовать результатам, которые дает пользование как кормом костями. Эти два рода корма, конечно, отлично дополняют друг друга. Один старый доезжачий, наш знакомый, кормит свою стаю только кишками и измельченными костями, он заметил увеличение роста своих гончих в среднем на три сантиметра уже в четвертом поколении; у него никогда не было ни одной бесплодной суки, а такие случаи несколько раз имели место при его предшественнике, большом стороннике вегетарианской пищи; наконец, он никогда не терял ни одного щенка из-за чумы.

Вареное мясо тоже хорошо, но оно больше горячит, чем сырое; большим его преимуществом является то, что при его варке получается бульон, который можно давать или в чистом виде, или пользоваться им как основой для всевозможных супов: кормя нашу старую суку кортальса Мусс исключительно бульоном из кишок, мы вылечили ее от острого воспаления кишок, признанного неизлечимым; суп из бараньих голов занимает видное место среди кормов и принят во многих французских питомниках: мы можем подтвердить его хорошее действие, так как нам несколько раз приходилось охотиться с гончими Д'Артуа, не евшими ничего другого, – они в течение всего времени были замечательно выносливы.

Бывают случаи, когда неоценимым запасом является копченое мясо, например во время охотничьих путешествий или остановки в деревне, но пользоваться им надо умеренно, ибо оно вызывает понос.

Лепешки из свежих шкварок являются безопасным кормом единственно только тогда, если они приготовлены без закваски.

Вопрос о мясе почти изучен. Перейдем теперь к беглому обзору других кормов.

Солдатские сухари дают хорошие результаты, если мы растолчем их в нашей костедробилке, прежде чем прикажем намочить их в бульоне из кишок, свежего мяса или консервов.

О специальных бисквитах у нас нет достаточно достоверных опытных данных, чтобы вывести на основании их какое-нибудь заключение по этому вопросу. Те из наших друзей, которые являются сторонниками бисквитов, дают их вместе со свежим мясом и овощами и не могут нам указать на достоинства пользования одними ими.

Сухой хлеб может служить поддерживающей пищей, удовлетворительной для взрослой собаки; многие пастухи не дают ничего другого своим помощникам, и последние, хотя и выглядят исхудалыми, чувствуют себя, вообще говоря, хорошо. Один из моих дядей только так и кормит своих подружейных собак в то время года, когда охота запрещена, и у них всегда ясный взгляд и блестящая псовина, указывающие на хорошее состояние здоровья. Но кусок хлеба, хотя и очень удобный корм, ибо его можно достать всюду, совершенно неудовлетворителен в период охоты и во время роста или беременности собаки.

Почти все растительные корма, особенно рис, картофель и различная зелень, могут

занимать известное место в ряду других кормов, но в очень небольшом количестве; часто впадают в ошибку, преувеличивая их полезное действие и давая их в излишестве, что вызывает излишнюю работу пищеварительного тракта и доставляет мало питания мышцам.

Мука, главным образом овсяная, запаренная бульоном, пользуется большой популярностью в крупных питомниках Англии, ее смешивают с вареным мелко изрубленным мясом и некоторым количеством протертых овощей.

Нам приходилось видеть, что во Франции с успехом кормили собак кашей из ячменной муки, смешанной с мясом.

Если цена молока не очень высока, мы не задумываемся порекомендовать его ежедневное употребление, что принесет только пользу; по своей бедности крестьяне, берущие на выкормку щенят, дают им сыворотку, и те пьют ее с жадностью и пользой для себя.

Каков бы ни был способ кормления, избранный нами, будем его варьировать время от времени и соразмерять с количеством работы и упитанностью собаки.

Если мясо и кишки являются главной составной частью корма, то давать его собаке достаточно только один раз в день, если же основой является хлеб или овощи, то становится необходимым кормить в день два раза.

Наиболее удобным временем для кормления является утро и вечер, ибо тогда и во время охоты не приходится менять привычек, а это важное условие для поддержания здоровья.

Относительно кормления щенят нельзя дать определенных правил, надо только заботиться, чтобы они были всегда в хорошем теле. Следует тотчас отнимать от них чашку, как только будет видно, что они не хотят больше есть, ибо аппетит является лучшим показателем требований их желудка.

Два вопроса тесно связаны с вопросом о питании – это лечение от глистов и лечение чумы.

Мы не будем вдаваться в детальное изучение всех видов глист, гнездящихся в организме собак и являющихся причиной большей части его расстройств, нам достаточно знать, что эти паразиты являются такими врагами, с которыми нужно бороться всеми силами.

С самого рождения щенки подвержены заболеваниям глистами, всегда смертельным, если их не захватить тотчас же.

В те времена, когда красные сеттера делили нашу любовь с пойнтерами, мы повязали нашу суку Брауик с Тримом, прекрасным ирландским кобелем, премированным в Париже и Руане. В течение двух недель новорожденные росли наперегонки, и мы уже радовались, что вырастим этот помет Брауик так же успешно, как и предшествовавший, как вдруг один из маленьких потерял аппетит, появились конвульсии, и он погиб; мы предполагали, что он простудился, что его укусили, что он был задушен, но скоро и второй щенок был найден мертвым, а двое других отказались сосать грудь и жалобно пищали. Мы поручили сделать вскрытие маленького трупа ветеринару, который и нашел там несколько длинных и плоских глистов, верную причину смерти. Мы тотчас применили глистогонное, стали каждый день дезинфицировать соски суки и успели спасти двух щенят, из которых один Ред погиб впоследствии от несчастного случая, о котором мы скажем дальше.

Нам кажется, что мы не преувеличиваем, утверждая, что многие любители потеряли от той же причины в несколько дней своих воспитанников, на которых справедливо возлагали надежды.

Мало вероятно, чтобы эти жертвы заключали в самих себе или получили с молоком матери зародышей погубивших их глистов, скорее те находились на сосках последней. Отсюда проистекает необходимость чаще обмывать эту часть тела суки водою с креолином.

Молоко, в котором кипятили чеснок, часто является достаточным глистогонным в случае, о котором мы говорили, т. е. до отнятия щенка от груди: однако не худо менять действие отвара из чеснока с действием цитварного семени, даваемого несколько дней

подряд: надо растереть щепотку этого порошка в кусочке масла величиною с орех и заставить маленького больного проглотить это лекарство. Одно из лучших глистогонных – это бензин, смешанный с большою ложкою растительного масла; давать его лучше утром натощак, ежедневно от десяти до двадцати капель, смотря по величине собаки, в продолжение трех дней. Надо позаботиться, чтобы лекарство было хорошо перемешано, и не следует форсировать дозы.

Несколько раз мы достигли хороших результатов с пилюлями камалы, имеющимися в любой дозировке в аптеках.

Англичане с большим успехом пользуются свежим растолченным орехом ареки. Взрослой подружейной собаке дают в масле на прием три грамма.

По нашему мнению, если охотник вынужден пользоваться лишь своими познаниями в заботах о пошатнувшемся здоровье своего компаньона, для него всегда есть смысл дать последнему несколько приемов глистогонного, сопровождая их слабительным, ибо очень часто таким образом он захватит болезнь в самом ее начале.

Касторовое масло является лучшим слабительным, оно не раздражает кишок и не может привести к отравлению, как каломель, остающийся главным лекарством при желтухе.

Мало бывает собак, совершенно избегающих чумы, но тогда как одни, воспитанные и вскормленные в условиях, противных их природе, погибают почти неизбежно, у других, окруженных со дня рождения всеми заботами, предписываемыми гигиеною, бывают лишь легкие приступы в течение всего нескольких дней.

Как бы то ни было, надо сначала попробовать энергичное лечение, направленное на кишки, легкие, нервы и кровь.

Тотчас, как мы заметили понурость, вялость, потерю аппетита, мы применим следующий метод, часто доставляющий нам успех.

1. Сдавить задний проход, чтобы выжать из желез заднепроходной кишки обильно в них содержащуюся беловатую вонючую материю.

2. Дать глистогонное.

3. Поставить на шею заволоку, натертую скипидаром.

4. Энергично растереть собаку горячим уксусом и закутать ее одеялом, или, еще лучше, впрыснуть ей под кожу на ребрах с каждой стороны по два кубических сантиметра скипидарной эссенции.

5. Поместить собаку в теплое место.

6. Делать ежедневно клизму из бульона.

7. Кормить только кипяченым молоком и медом, которым насильно мажут собаке небо, и давать отвар из льняного семени, всыпав туда щепотку серного цвета.

8. Часто промывать глаза и нос тепловатою водою и креолином и очищать таким же образом заволоку.

Некоторые ветеринары находят полезным впрыскивание соленой кипяченой воды (семь грамм на литр) под кожу паха.

М. Юлия д'Альби изобрела специальное средство, называемое «Тридуум», творящее, как я сам видел, чудеса в отчаянных случаях.

Для предупреждения нервных припадков и параличей употребляют в пилюлях мышьяково-кислую соль стрихнина, дозированную по одному миллиграмму. Дают по одной пилюле утром и вечером в течение двух недель.

Чередуют прием бромистого соединения с приемом мышьяково-кислой соли до выздоровления.

Делают души с последующим энергичным растиранием. Те же души и приемы студенистой нейтральной фосфорнокислой соли извести дают также прекрасные результаты при случаях внезапных параличей у щенят, припадках, вызванных, быть может, слишком быстрым ростом. Мы пользовали таким образом Деа-Фрам, дочь нашей прелестной Квин, и очень удачно поставили ее на ноги.

Мы не можем кончить этой главы, не посоветовав охотникам заботиться о воде для их

компаньонов. Чистая, свежая, часто возобновляемая вода в питомнике, наливаемая в совершенно чистую посуду, делает собаку разборчивой в отношении питья, и это очень хорошо, ибо вода из грязного источника, которою она привыкнет пренебрегать, содержит в себе зародыши болезней и утоляет жажду далеко не вполне.

Чистота

Для поддержания чистоты в помещении собаки достаточно ежедневно подметать его метелкой; для этого мы пользуемся пучком ежи, обмакивая ее время от времени в воду с креолином; слова «с креолином» сходят очень часто с нашего пера, и это не без основания, ибо из всех употребляемых дезинфицирующих веществ мы не знаем другого, применение которого было бы удобнее для мытья питомников и их обитателей.

Если возможно каждые два дня давать собакам новую солому, то они сами будут о нее чиститься и будет почти бесполезным чистить их щеткой.

Собаки длинношерстные, а особенно жесткошерстные грифоны, требуют несколько больше забот; они превосходно себя чувствуют при еженедельных ваннах с отрубями, после которых их энергично вытирают, а когда они будут сухи – чешут.

Если в псовине собаки заведутся блохи, то ее намазывают смесью из трех частей масла и одной керосина, оставляют ее так в течение трех часов, а затем делают ванну с отрубями; повторять это лечение на другой день приходится редко, но зато надо продезинфицировать, как мы указывали, жилище собаки, чтобы уничтожить не только самих паразитов, но и их яички.

Когда посылают собаку на выставку, крайне необходимо сделать ей несколько ванн перед ее отъездом и особенно тотчас же по ее возвращении, ибо скопление собак часто является причиной многих болезней. Мы не стали бы поздравлять любителей, поручивших какому-нибудь лицу приходить ежедневно мыть и чесать выставленных ими собак, с удачным разрешением вопроса. По этой причине некоторые владельцы не решаются показывать публично своих питомцев, но в этом случае они бывают неправы, ибо, приняв известные меры предосторожности, всегда можно избежать всяких неприятностей.

Когда собака возвратилась из поездки, есть смысл подвергнуть ее дезинфекции и небольшому карантину, прежде чем впустить ее в питомник.

Эта предосторожность хороша еще в случае покупки новой собаки, как бы, по имеющимся сведениям, она ни была здорова.

Уши, это столь важно, что мы напоминаем еще раз, следует время от времени, очищать и тщательно осматривать, особенно если собаки с унылым видом трясут головой. На концах ушей бывают заметны маленькие раны, так называемые язвочки, а внутри обильные, темные и вонючие выделения, обязанные своим происхождением воспалению наружного уха. Болезнь эту, если захватить ее в самом начале, легко вылечить: для этого делают собаке нитяной чепчик, чтобы уши оставались неподвижны, каждое утро обмывают их тепловатой водой с креолином, а вечером вкладывают тампоны, смоченные раствором перекиси водорода или сернокислого железа (десять граммов на литр). Наконец, подвергают животное вообще лишаегонному лечению, которое мы считаем решительно неизбежным, состоящему в кормлении сырым мясом и сухим хлебом (двести граммов мяса и триста граммов хлеба для собаки средней величины). В мясо насыпают большую кофейную ложку двууглекислой соды (четыре грамма), каждое утро дают пять капель мышьяка, в виде раствора Фоулера в стакане молока; через две недели начинают давать по десять капель, а через месяц делают перерыв на десять дней, после которого снова начинают лечение в той же последовательности.

Если собака золотушная, можно, при повторении лечения, заменить мышьяк йодистым калием. Немного тренировки и, если возможно, холодные ванны, дополняют это лечение. В некоторых тяжелых случаях оно может тянуться до трех месяцев. Иногда предписывают кровопускание и несколько приемов слабительного; это может дать лишь хорошие результаты, особенно у натур слишком полнокровных.

Великолепное слабительное получается из семи с половиною граммов сассопарили и полутора граммов экстракта водяного пупка. Оба вещества смешивают в указанных количествах и делают из этой смеси пятьдесят пилюль, которые и дают по одной штуке утром и вечером.

Уши бывают еще местом паразитарного заболевания, выражающегося припадками, похожими на падучую.

Лейтенант В... получил от нас семимесячного ирландского сеттера Реда, сына Трима и Брауик; собака эта была подвержена болезни, обнаруживавшейся только во время прогулок приступами, имевшими большое сходство с эпилептическими припадками. После безрезультатного лечения от последней болезни Ред был уничтожен и было произведено вскрытие, при котором в ухе собаки нашли черноватое вещество, которое, как оказалось при рассматривании под микроскопом, содержало в себе множество паразитов.

Сопоставляя этот случай с аналогичными, упоминавшимися в некоторых ветеринарных хрониках, мы убеждены теперь, что причиною припадков Реда было воспаление уха, вызванное паразитами, и что рациональное лечение быстро исцелило бы этого сеттера, одного из самых лучших, происходивших из нашего питомника.

Повозившись с лишаями и экземами, повидав даже случаи легко распознаваемой акаридной чесотки, мы испробовали все способы лечения и всякие мази с различными успехами; вот результаты наших опытов.

При «краснухе» раствор пикриновой кислоты в повторном смазывании.

При саркопаридной чесотке, характеризуемой многочисленными прыщами и зудом, применяют втирание масла с керосином: смесь из двух частей масла и одной керосина.

Лечение начинают с втираний, которые производят в течение трех или четырех дней и заканчивают обыкновенными серными ваннами. Лечение повторяют, пока не прекратится зуд и кожа снова примет свой нормальный вид.

При акаридной чесотке ежедневно, старательно разрезая кожу ланцетом, выдавливают гнойнички один за другим, затем кладут собаку в очень горячую ванну (подогревая воду каждые четверть часа).

Ванна составляется так: пятьдесят литров воды, два литра уксуса, пятьсот грамм сернистого калия и пятьсот грамм пережиренного мыла. Одна и та же ванна может служить неделю. Можно отливать ежедневно некоторое количество жидкости, доливая кипятком, чтобы подогреть ванну, лечебное же свойство поддерживают несколькими граммами сернистого калия. Через неделю составляют новую ванну.

Для ванны мы пользуемся эллиптически удлиненной лоханкой; железная скоба, укрепленная на дне ее, служит для привязывания веревки, прикрепленной к ошейнику собаки, таким образом животное удерживается вполне погруженным, не имея возможности сопротивляться.

Приходится только время от времени мыть жидкостью голову.

Эта ванна является действительным средством также против экзем и лишаяев.

Ежедневное лечение может длиться от одной до шести недель, смотря по упорности болезни.

Прикладывание к слегка надрезанной коже смеси из равных по весу частей настойки йода, карболовой кислоты и хлорала также очень рекомендуется.

Внутреннее лишаегонное лечение должно строго соблюдаться.

Вам виднее самим, дорогие собратья, оправдывают ли достоинства вашей собаки долгое и скучное, но почти безошибочное лечение.

Тренировка

Многих собак в те дни, когда с ними не охотятся, совершенно не тренируют, и с четырехлетнего возраста у них уже обнаруживаются признаки преждевременной старости; мускулы и сердце слабеют, отчего и дыхание становится коротким, апатия приходит на

смену быстрому и охотному послушанию первых годов.

Примем за основание, что ежедневная работа необходима. Щенок, в молодости часто гуляющий, играющий со своими товарищами, тренируемый по нашему методу дрессировки, развивается лучше и становится могучее того несчастного, который воспитывается один во дворе своей конуры. Но надо старательно заботиться, чтобы маленький проказник, хватаящий все, что ему попадется, не проглотил бы какой-нибудь предмет, переварить который желудок не сможет; многочисленные вскрытия обнаруживали в желудках собак губки, мотки шерсти, тряпки и особенно куски кожи, бывавшие причиной смерти.

В подобных случаях предписывается рвотное (пятнадцать сантиграммов рвотного камня, пять сантиграммов ипекакуаны и пять сантиграммов белой чемерицы).

Час или два галопа за лошадью или велосипедом достаточно для поддержания свободной работы легких и мышц у взрослой собаки; но, чтобы эти поездки были полезны для здоровья и поддержания дисциплины, надо так соразмерять скорость, чтобы собака следовала за нами очень близко и совершенно легко поспевала. Надо ли говорить, что для достижения первого условия, мы опять прибегаем к подачке?

В осенние месяцы прогулки будут продолжительнее, а корм обильнее.

Довести мало-помалу собаку до такого состояния, чтобы она могла выносить без вреда для общего состояния своего здоровья все более и более серьезную работу, и составляет цель тренировки. Но, как бы хорошо наши собаки ни были тренированы, мы должны беречь их силы, если не желаем, чтобы они свалились от усталости.

Мы не думаем, чтобы собака с быстрым поиском могла работать по восемь часов несколько дней подряд, не испытывая усталости, обнаруживающейся уменьшением быстроты хода и широты поиска, часто даже ослаблением чутья, а порою желтухой, всегда почти смертельной, если каломель и солевое слабительное не были применены вовремя.

Дорогие собраты, если у вас только одна собака и если этот чудный компаньон сам не бережется достаточно, усильте ваши заботы о нем и отнеситесь к нему с большей внимательностью; не заставляйте его бежать сзади вашего экипажа, когда вы едете куда-нибудь или вечером возвращаетесь домой; давайте ему сытную пищу, особенно сырое мясо, позаботьтесь об удобстве его постели, энергично растирайте его утром и вечером щеткой, смоченной водою с водкой; осматривайте внимательно его хвост и ноги и, если вы заметите там какое-нибудь раздражение, обмойте это место тепловатой водою с отрубями, вытрите досуха и затем мажьте ежедневно яичным белком, пока не заживет, тогда смажьте уксусом, смешав его с квасцами и печной сажой; это лекарство великолепно также для укрепления сосков у суки после кормления ею щенят. Если на хвосте появилась язва, белка яйца будет достаточно, но надо наложить повязку из кожи на больное место, иначе продолжая махать хвостом, собака будет мешать лечению, и последует гангрена, вызывающая необходимость обрубить хвост, что делается просто сечкой, а место обреза прижигается раскаленным докрасна железом.

Для нежных ног англичане изобрели каучуковую обувь; мы одобряем ее применение зимою, при обледеневшей земле.

В день охоты, заставляя работать вашего компаньона, прерывайте почаще его поиск и давайте ему отдыхать по возможности в тени. Если жар очень велик, возьмите в ягдташ козлий мех, содержащий воду с алкоголем, покапайте несколько капель ее на голову и язык славного песика и подождите двинуться дальше, пока его дыхание станет снова нормальным.

Эта предосторожность заставит улыбнуться хозяина Медора. Предоставим ему смеяться и позаботимся о наших помощниках, как тренеры заботятся о своих пансионерах.

Нам вспоминается, как в 1886 году в день открытия охоты брак и спаниэль упали мертвыми от солнечного удара; это произошло на меловых землях Шампаньи, накаленных отвесными лучами солнца. Другие собаки с трудом следовали за своими хозяевами, а наш Блек галопировал весь день, не показывая и признака усталости.

Разумная тренировка, правильные отдыхи и мех с водою из ягдташа были причиной

выносливости этого великолепного черного сеттера, вывезенного из Шотландии и по своей породе, не созданного, конечно, для голых полей, где мы с ним охотились. Лишнее говорить, что утром при встрече наши колкие товарищи не поскупились на шутки по адресу нашей сумки и называли ее водоносом, видя, как мы наполняли водою ее приемник.

На другой день те же товарищи оставили дома своих славных деревенских собачек, тогда как наш Блек обыскивал поля с тем же пылом и старанием.

Те, кто охотится в местностях, где встречается ехидна, должны всегда иметь при себе пакетик с хромовой кислотой, совершенно уничтожающей действие яда.

Конечно, в таких случаях, всякий должен предвидеть возможные случайности, и он поступил бы по-детски, не приняв против них известных предосторожностей.

Прежде чем закончить эту главу, повторим, что тренировка сама по себе является лекарством во многих случаях заболеваний и главным фактором лишаегонного режима. Человек, бравшийся лечить экзему у гордонов, о чем мы выше упоминали, имел канатную фабрику. Для своего производства он изобрел колесо, которое и заставлял вертеть собак тем же способом, как это делает в своей клетке белка.

Мы убеждены, что эта работа для курса лечения была, по крайней мере, столь же важна, как ванны и мясная пища.

Зараза

Почти все болезни передаются нашим верным спутникам через контакт с бродячими собаками, от которых меры, принимаемые милицией, не могут избавить город, не говоря уже о деревне.

Некоторые городские управления заставляют владельцев собак приобретать жетоны, удостоверяющие уплату собачьего налога; эта мера хороша, но недостаточна. Единственным действительным способом борьбы было бы установление налога в двадцать франков одинакового для сук всех категории и такого же налога, в четыре франка, для всех кобелей. Только породистые суки устояли бы против этой таксы и в несколько лет мы были бы избавлены от всех безымянных негодных собак, живущих на мусорных кучах и разносящих всяких вредных микробов, не исключая и бешенства, главными распространителями которого они являются.